

Инна Бачинская

Детектив
сильных
страстей

Тринадцать
ведьм

Бюро случайных находок

Инна Бачинская

Тринадцать ведьм

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Тринадцать ведьм / И. Ю. Бачинская — «Эксмо», 2016 — (Бюро случайных находок)

ISBN 978-5-699-91200-1

Город гудел: Виктория, жена известного бизнесмена Андрея Шепеля, была убита прямо во время празднования собственного юбилея. При этом сам Андрей на дне рождения супруги почему-то отсутствовал, зато присутствовали сразу два любовника Виктории – бывший и действующий. А вскоре один за другим начали погибать гости несчастливого торжества, и на месте их смерти таинственный убийца оставлял оккультные знаки. Казалось бы, искать преступника надо среди близких и знакомых Виктории... Если бы не одно «но»: во время премьеры «Макбета» в местном театре прямо на сцене в окружении ведьм внезапно вспыхнул и сгорел актер Петр Звягильский, и детектив-любитель Олег Монахов обнаружил в его гримерке странный знак...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91200-1

© Бачинская И. Ю., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	40
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Инна Бачинская

Тринадцать ведьм

*Освободите меня
От всех предрассудков.
Пусть моя душа
Будет незапятнана,
Пусть мой ум
Всегда и везде
Будет свободен
От ложных идей.
Пусть я буду привязан
Скорее к истине, чем к вещам.
Когда вещи под ногами шатаются,
Истина остается твердой опорой.*

Роман Минаев. Освободите меня.

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

© Бачинская И.Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Раут в загородном доме. Начало лета. Июнь

*И меч занесен был, и бил барабан,
И было предчувствие крика...*
Софья Греч. «Ночные призраки»

...Прекрасная июньская ночь, звезды... Звезд, правда, не видно из-за фонариков на деревьях, светильников вокруг бассейна, иллюминации в доме и снопов света из французских, во всю стену, окон.

Стол накрыт в гостиной, десерты на веранде; гости фланируют с бокалами туда-сюда, кружат вокруг клумб, усаживаются или ложатся прямо на траву. Из дома слышится легкая музыка.

Виновица торжества, она же хозяйка дома – красивая женщина средних лет, Виктория Шепель, в белом платье, расшитом хрустальным бисером, с длинными белыми волосами по плечам, полулежит в шезлонге. В тонких красивых пальцах бокал с шампанским; рядом, тоже в шезлонге, подруга, одноклассница – полная брюнетка в красном платье, тоже с бокалом; платье ее попроще, украшения крупные и слишком блестят – даже человеку несведущему видно, что это бижутерия. Она с завистью рассматривает бриллиантовые серьги и кольцо подруги. Зовут ее Тамара, язычок у нее раздвоенный, и она с удовольствием обсуждает гостей. Хозяйка слушает рассеянно – раздувая ноздри, едва сдерживая злобу, она наблюдает за оживленной парой, сидящей на лужайке у бассейна. Мужчина что-то увлеченно рассказывает небольшой изящной женщине в черном коротком платье. Мужчина – любовник Виктории Анатолий Крамер; женщина – ее близкая подруга Руслана. Руслана громко хохочет, запрокидывая голову, дирижирует рукой с полным бокалом, отпивает, снова хохочет. Мужчина подливает ей из бутылки, стоящей рядом.

– Нет, ты только посмотри, как наш Толик ухлестывает за этой...

Тамара ревнует хозяйку к Руслане и говорит о ней гадости, называя «эта», чувствуя, что Виктория не имеет ничего против и слушает с удовольствием. Она также прекрасно знает, что Анатолий Крамер – любовник Виктории, и не упускает возможности приложить общую подругу.

– И ведь уродка, ни рожи, ни кожи! Что только Камаль в ней находит? Дураки эти мужики!

Камаль, молодой мужчина не то из Египта, не то из Ирака, был другом Русланы и болевой точкой Тамары, в свое время она имела на него виды. Это был смуглый, очень красивый мужчина с длинными волосами, предприниматель, как он себя рекомендовал. Он сидел неподалеку, лицо у него было хмурое. Около часа назад у него состоялся неприятный разговор с Викторией, он попросил денег, она отказала. Дело было в ее спальне – Виктория стояла перед зеркалом, она даже не повернулась, когда он вошел. Говорила, глядя на него в зеркало.

«Извини, дружок, у меня денег нет, это к Андрею, – сказала она, неприятно усмехаясь. – Попроси у него, возможно, он даст. А может, не даст». Самое обидное то, что год назад они были любовниками, и Андрей, муж Виктории, кажется, догадывался, во всяком случае, Камаль напрягался, встретившись с ним взглядом. В деловых кругах Андрей слыл за человека жесткого и решительного. Бычара, называл его Камаль, мысленно, разумеется. С какой, пардон, мордой прикажете просить у него деньги?

Виктория прекрасно знала, что Камаль никакой не предприниматель, а альфонс и, кажется, наркоман... но хорош, паршивец! Она окинула взглядом стройную фигуру Камалья, перевела взгляд на приятельницу, ухмыльнулась. Тамара не сводила с Камалья жадного взгляда.

Когда Виктория рассталась с Камалем, она засуетилась, стала приглашать его к себе, делать подарки. Играла роль роковой женщины: вся в черном, вся в серебре, в пальцах тонкая длинная сигарета в мундштуке черного серебра. На золото она не тянула, и широкой мужской спины, за которой так уютно прятаться, у нее не было. Была когда-то, правда, неширокая и хлипкая, да сплыла. Она любила повторять, что золото вульгарно, для нуворишей, то ли дело серебро... ах, это так благородно! Серебро – ее металл, в нем лунная магия и тайна. Она никогда не забудет, как он с ухмылкой рассматривал дорогой серебряный браслет-цепочку, ее подарок. Она думала, он наденет браслет – Камаль любит побрякушки, готова была помочь с застежкой, но он небрежно сунул плоский футляр в карман. Подарок оказался недостаточно дорогим. Она поняла тогда, что ничего между ними не будет, что Камаль не ее уровень, и все попытки произвести на него впечатление никчемны и напрасны. Такой мужчина, как Камаль, стоит больших денег, а денег у нее нет. А потом Виктория сказала, что Камаль... это самое... с Русланой. Сказала с мерзкой довольной ухмылкой, прекрасно зная, что она, Тамара, имеет на него виды. И словечко нашла гнусное... Виктория никогда не стеснялась в выражениях, даже козыряла этим, красочно описывая сексуальные привычки знакомых мужчин. Тамара хихикала и повторяла: «Ну, ты, Витуля, даешь! Такая юморная, как скажешь, хоть стой, хоть падай!» Дрянь! Думает, если есть деньги, то все можно! Андрей тюфяк, не подозревает о шашнях супруги. Хотя, может, начал прозревать – не явился на юбилей, исчез. Витка злая, как пантера, улыбается, а глаза бешеные. И Толика ревнует к Руслане... Русечке! Вон, вцепилась в ручки шезлонга, даже косточки побелели.

Новая подружка Камалю, Руслана, та еще штучка, глупа, но себе на уме. Тамара сказала, ни рожи, ни кожи, из ревности. Руслана – красотка каких поискать. И молода. И блондинка. И умеет себя подать – профессия такая... публичная. Трудится стриптизершей... ах, нет! Исполнительницей экзотических танцев, вот! Мужики выпадают в осадок, лезут на подиум, суют бумажки, приглашают, а она, почти голая, изгибается как змея... анаконда!

Руслана, заметив, что Виктория и Камаль уединились, помрачнела. Она считала, что Камаль миллионер, и боялась его упустить. С полгода назад она увела его у Виктории, как она думала, и теперь опасалась рецидива их отношений. Она кокетничала с Анатолием Крамером, хохотала, подставляла бокал и поглядывала на Камалю. Бутылка шампанского опустела, и Анатолий отправился в дом за новой.

К ним подошла жена Анатолия Крамера Ида, болезненная, бледная женщина с короткой стрижкой, в жемчужно-сером платье со стразами, присела на свободный шезлонг. Небольшая, изящная, большеглазая, в сверкающем платье, она напоминала куклу и немного стрекозу. Сходство усиливалось удивительной статикой ее облика, скупыми неторопливыми и осторожными движениями – Ида проходила курс химиотерапии после сложной гинекологической операции, была слаба и почти не выходила из дому.

– Как ты, Идочка? – заботливо спросила Тамара. – Получше? Сто лет тебя не видела.

– Получше, спасибо, девочки. Красиво тут у тебя, Виточка, дом как дворец. Воздух, природа... чудо! Я бы с удовольствием переехала за город, но Толя против. А чего ж Андрюши нет? У жены юбилей, а он отсутствует...

– Андрей в командировке, сказал, обязательно будет, – поспешила Тамара. – Попозже. А где твой Толик?

– Вон, на лужайке, с Русей, – ответила бесхитростно Ида, кивая на живописную группу на газоне. – Пусть отвлечется, он со мной намучился. Сколько мужиков бросают жен... после такого.

Виктория и Тамара иронически переглянулись. «Ну, дурища, – было написано на ухмыляющемся лице Тамары. – Ничего вокруг себя не видит!»

Ида заметила их взгляды и улыбнулась кончиками губ. Лицо ее выражало презрение.

Истошный визг и плеск воды привлек их внимание – одна из женщин бросилась в бассейн как была, в платье. Руслана громко вскрикнула и расхохоталась – ее окатило холодной водой.

– Светка чудит! – рассмеялась Тамара. – Шальная девка! А где ейный хахаль? Чего-то не видать, небось шарит в буфете!

– Пойду я, девочки, – сказала Ида, зябко поведя плечами. – Холодно.

– Попроси Толика принести плед, – с фальшивым участием сказала Тамара.

– Да нет, пойду, пожалуй. Сделаю себе чаю... похозяйничаю на твоей кухне, Виточка. Можно?

– Будь как дома, дорогая! – сказала Виктория. Ее высокомерное и небрежное «дорогая» прозвучало почти оскорбительно. Тамара ухмыльнулась. Ида кивнула и поднялась. Виктория и Тамара смотрели ей вслед.

– Не повезло, – сказала Тамара. – Совсем плохая, выглядит ужасно. Лучше бы сидела дома.

– Толя говорит, ей уже лучше, – заметила Виктория. – Он с ней возится как с ребенком.

– Таких мужей поискать, – сказала Тамара. – Большая редкость по теперешним временам.

И платье шикарное.

Виктория вдруг поднялась и молча пошла к дому...

Глава 2

Утро после праздника. Начало лета. Июнь

Ида Крамер вернулась в дом и устроилась на диване, закутавшись в плед; ее знобило. Задремала. Разбудили ее взрывы и крики – в саду рвались петарды. Начался салют. Она завороженно смотрела на море разноцветных огней за окном. В черном небе расцветали и осыпались гаснущими искрами изумительно красивые красные, желтые, синие цветы. Вспышки света и залпы перемежались с кромешной темнотой и секундами оглушительной тишины, а потом все повторялось. Пошарив вокруг себя, Ида нащупала мобильный телефон.

Она стояла у окна во всю стену, ее лицо освещалось то синим, то желтым, то красным светом, и, казалось, соответственно менялось его выражение: оно было таинственным, мрачным, оживленным. Гости собрались на лужайке, хлопали и радостно кричали. Комната будто пришла в движение, по стенам металась разноцветные тени. Ида ухватилась за спинку кресла, у нее закружилась голова...

Праздник продолжался почти до рассвета. Однако в шесть утра на лужайке и веранде уже никого не было. Утро было холодное, трава покрылась седой росой; гости разбрелись кто куда, кто-то продолжал пить, кто-то варил на кухне кофе, кто-то спал на одном из больших кожаных диванов в гостиной.

Около десяти Тамара постучала в спальню Виктории. Ей не ответили. Она постучала еще раз, громче и закричала:

– Подруга, спишь? Вставай! Народ оголодал, требует жрать!

Не получив ответа и на этот раз, она приоткрыла дверь и проскользнула в спальню. Минуту спустя раздался ее душераздирающий вопль. Она выскочила из спальни, не переставая кричать, слетела по лестнице в гостиную и наткнулась на Анатолия Крамера.

– Чего орешь? – спросил он, отодвигая ее от себя. – Что случилось?

– Там... Виктория... неживая! – сумела выговорить Тамара, хватая его за руку и оседая на пол.

Мгновенно наступила тишина. Гости окаменели, стояли переглядываясь. Руслана бросилась к Тамаре, кто-то побежал за водой. Анатолий рванул вверх по лестнице, за ним бросились остальные. Дверь спальни была распахнута. Они столпились на пороге. На ковре неподвижно лежала Виктория... на блесках белого платья играли разноцветные блики утреннего холодного солнца... белые длинные волосы разметались по ковру...

...Бригада оперативников появилась через час. Гости, мигом протрезвевшие, перепуганные и подавленные, сгруппировались в гостиной; Камаль, подданный не то Египта, не то Ирака, вознамерился было ускользнуть под предлогом, что он иностранец, но Анатолий Крамер, взявший командование на себя, приказал ему сидеть тихо и молчать.

Виктория Шепель была задушена желтым шнуром от портъеры – витой, массивный, он до сих пор лежал на ковре как дорогое золотое украшение; стеной сейф зиял раскрытой пастью. Там было пусто: ни денег, ни драгоценностей, лишь жалко белело несколько бумажек.

Муж погибшей, Андрей Шепель, так и не появился на юбилее супруги; его разыскали по мобильному телефону – он пребывал в гостинице в Зареченске. Андрей долго не мог взять в толк, чего от него хотят. Уяснив, что случилось, сказал, что сию минуту выезжает...

Не сговариваясь, не глядя друг на друга, растерянные, отдавшие бы полцарства за то, чтобы оказаться как можно дальше отсюда, гости старались не говорить лишнего. Подробно рассказывая, кто где находился, пил, чокался, разговаривал, они инстинктивно или намеренно подтверждали алиби друг друга. Версия убийства напрашивалась сама собой: ограбление. В подозреваемые попал друг Светланы, той безбашенной, что бросалась в бассейн, – молодой

человек без определенных занятий, ранее имевший судимость за торговые аферы, Кирилл Сутков. Правда, было неясно, куда он дел деньги и драгоценности – обыск дома и сада с собаками ничего не дал. Сгоряча решили, что у Суткова был сообщник, который ждал где-то за пределами усадьбы, но эта версия впоследствии не подтвердилась, равно как и версия о его причастности. Кстати, петарды принес именно он, и в те минуты, когда все, разинув рты, глазили на разноцветные каскады огней, должно быть, и свершилось убийство. Это было похоже на продуманный маневр, но впоследствии оказалось случайностью, которая сыграла на руку грабителю и убийце. Скорее всего, сыграла.

Собака крутилась по дому и саду, поочередно подходила к гостям, усаживалась и оглядывалась на кинолога. Похоже, в спальне хозяйки побывали многие. Заплаканная, всхлипывающая Тамара показала, что да, была в спальне вечером, перед приемом, они с Виточкой болтали; Виточка одевалась, а она, Тамара, развлекала ее городскими сплетнями. Иностранец подданный Камаль бурно клялся, перемежая свою речь словами на родном языке, что ошибся дверью и случайно попал в спальню, но там никого не было, и он, смущенный, удалился. После этого в дом больше не заходил, все время был на виду, гулял по газону, рассматривал цветы и пил шампанское. Знакомых мужчин у него в городе почти нет, только женщины, он здесь недавно, привела его знакомая девушка Руслана, с которой он дружит. Никого из присутствующих не знает и раньше не встречал, кроме хозяйки, которую несколько раз видел в городе. В доме впервые, поэтому ошибся дверью.

Анатолий Крамер, побагровев и метнув взгляд на жену, показал, что действительно заходил в спальню Виктории, так как она обещала ему координаты брокера, они с Идочкой давно присматривают дом в пригороде. Ида кивнула: действительно присматривают. Тамара закатила глаза и с трудом удержала негодующее фырканье.

Андрей Шепель примчался под занавес, ни с кем не здороваясь, бросился в спальню жены, упал на колени перед ее телом, схватил руку, растерянно взглянул на следователя, поедавшего его взглядом.

Это был крупный мужчина с грубо вытесанным лицом: массивные надбровные дуги, квадратная челюсть, крупный нос; от него исходило ощущение опасности и силы. В деловых кругах у него было прозвище Кинг-Конг, и репутация была соответствующей, как мы уже упоминали.

Следователь осторожно тронул его за плечо...

У Шепеля было алиби, ночь он провел в компании зареченской эскорт-дивы по имени Лаура. Он пошарил в карманах и предъявил оперативникам самодельную визитную карточку: «Лаура. Эскорт-услуги». Телефон и адрес электронной почты прилагались. Алиби господина Шепеля девушка подтвердила. Машина его всю ночь простояла на платной парковке рядом с гостиницей. Почему был не на празднике, а с девушкой из эскорт-сервиса? Так получилось. Накануне они с женой поссорились, Виктория хотела устроить банкет в Английском клубе, все-таки юбилей, сорокалетие, но он отказал, дела последнее время шли ни шатко ни валко по причине кризиса. Лучше бы согласился! Виктория разозлилась и бросила в него щетку для волос. Последнее время она пила, стала раздражительной. Он хлопнул дверью и ушел, даже подарок не вручил – до сих пор лежит в ящике письменного стола. Глупо получилось, если бы он остался, Виктория была бы жива. Он был бледен, растерян и все повторял, что, если он бы остался... если бы остался... если бы остался...

В итоге его с гипертоническим кризом увезла «Скорая».

Было непонятно, как грабитель и убийца открыл сейф. Одна из версий, выдвинутых следствием, предполагала, что преступник, угрожая жертве, принудил ее открыть сейф; другая, показавшаяся следствию самой проходной, заключалась в том, что грабитель и убийца появился в тот роковой момент, когда жертва, открыв сейф, прятала туда снятые украшения, собираясь отойти ко сну.

Вопросы вызывало появление грабителя на тщательно охраняемой территории, где живут самые-рассамые, но это такое дело... Тем более дом был нараспашку, окна открыты, народ подпил и гулял туда-сюда, и музыка гремела на весь поселок – заходи и грабь, милости просим! Тем более салют, гром и молнии. Жертве просто-напросто не повезло.

Подруга жертвы, заплаканная Тамара, показала, что Виктория внезапно поднялась и ушла... она еще подумала, что ей нужно поправить макияж, но Виктория больше не вернулась, видимо, пошла спать. Просто вдруг поднялась и, ни слова не сказав, ушла. Была ли она расстроенной? Ну что вы! Все было так замечательно! Она просто поднялась и ушла, даже на салют не осталась. Может, устала, решила прилечь отдохнуть, чтобы вернуться попозже. Тамара морщится, она готова снова заплакать, она мнет в руках платочек. Во сколько ушла Виктория? Было уже почти два, и она, Тамара, сама устала до чертиков; чужих не было; они сидели вдвоем на лужайке, к ним многие подходили перекинуться парой слов; минут двадцать с ними сидела Ида Крамер, жена Толика... то есть Анатолия Крамера. Потом она ушла, так как озябла – ночь была прохладная; сказала, что хочет горячего чая.

Ида Крамер показала, что сначала была с девушками, потом ушла в дом, где сидела на диване в гостиной, укрывшись пледом; даже задремала. Разбудил ее салют; она подошла к окну... очень было красиво, все стояли на лужайке... кажется, все, она больше смотрела на огни, чем на лужайку, просто отметила, что там стояла толпа, аплодировала и кричала. Сколько это продолжалось? Минут десять, наверное. Или чуть меньше. В доме никого не было. То есть она никого не видела, правда, на миг ей почудилось, что там еще кто-то был, в коридоре будто тень мелькнула, она постояла, всматриваясь, но никто так и не появился. Потом пришли Руслана и Камаль, и он стал варить на кухне кофе. Они разговаривали и смеялись. На втором этаже, в спальне, наверное, была Вита... Виктория Шепель, но она, Ида, ее не видела. А больше никого не было. Потом она тоже пошла на кухню и сделала себе чай – Руслана и Камаль к тому времени уже ушли. Потом с чашкой пошла в кабинет и прилегла – там диван и подушки, – так как едва держалась на ногах и вообще чувствовала себя в тот вечер нездоровой. В кабинете сразу уснула и проспала до утра.

В доме работали две женщины – экономка и ее невестка, они накрыли стол в гостиной, потом вынесли на веранду десерты; еду привезли из ресторана «Прадо»; в половине двенадцатого Виктория их отпустила, и они уехали на своей машине.

Через несколько часов присутствующим наконец разрешили уехать, и они, обменявшись скорым «Ну, ты давай звони, не пропадай», торопливо расселись по машинам и отбыли.

...В машине стояла тягостная тишина. Уже в городе Анатолий покаянно сказал:

– Я свинья, прости меня, малыш, ладно? Сам не знаю, как это получилось. Чувствую себя последней сволочью. Простишь?

Он нащупал руку жены, поднес к губам, и она руки не отняла. Сидела с прямой спиной, смотрела на пролетавшие мимо домики пригорода и не видела их, старалась не расплакаться. Ей хотелось вырвать руку и закричать:

«Пошел вон! Ненавижу! Обоих! Тебя и твою... драную кошку! Мерзкая подлая баба, она же знала, что я умираю! Не могли подождать?»

Ей вдруг пришло в голову, что пышная и здоровая Виктория Шепель мертва, а она, полудохлая Ида Крамер, все еще жива. Эта мысль так поразила ее, что она на миг прикрыла глаза, пытаясь вникнуть в некое тайное ее значение. И еще она подумала – что, интересно, должен чувствовать мужчина, чья любовница только что была убита? Скорбь? Горе? Сожаление? Или страх, что могут заподозрить? О чем он сейчас думает? Вспоминает их свидания? Ее руки, близость, тепло коленей... Раздув ноздри, Ида искоса взглянула на мужа. Лицо его ровным счетом ничего не выражало, глаза не отрывались от дороги. Он не был похож на убитого горем любовника, не могла она не признать, и ей стало немного легче.

О безвременно погибшей Виктории Шепель Ида не думала вовсе...

...Их всех вызывали на допросы все реже и реже. Потрепали нервы иностранному подданному, не то из Египта, не то из Ирака, но отпустили с миром. Отпустили в конце концов и Кирилла Суткова, судимого ранее за мошенничество, также прилично потрепав ему нервы.

Остальные отделались сравнительно легко.

В итоге следствие зависло...

Глава 3

Премьера. Середина осени. Ноябрь

«...Ведьмы, хотя бы они того или нет, тяготеют к крайностям, где сталкиваются друг с другом две стороны, два состояния. Их тянет к дверям, окрестностям, границам, воротам, зеркалам, маскам...

...И к сценам».

Терри Пратчетт. «Маскарад»

– И самое главное, не люблю я этой пьесы! – Монах поскреб в бороде. – Слишком много крови.

Олег Христофорович Монахов, Монах для своих, путешественник, экстрасенс, психолог и просто бывалый человек, и его друг, Алексей Генрихович Добродеев, «желтоватый» репортер скандальной хроники и ведущий городской специалист-эзотерик по всяким паранормальным явлениям, сидели в первом ряду Красного зала Молодежного театра. Билеты достал Добродеев, у которого все везде схвачено, а кроме того, он дружит с режиссером Виталием Вербицким. Давали «Макбет», что было *«мощным культурным протуберанцем на местном театральном горизонте»*, как заметил Леша Добродеев в одной из своих статей, предвдвывая премьеру. Каким боком протуберанец к горизонту – оставим на совести автора. В дальнейшем журналист собирался тиснуть материал о спектакле в «Вечерней лошади», причем наметки, написанные в свойственной журналисту напористой и восторженной манере, были готовы еще вчера, оставалось вставить «оживляжи» с места событий, вроде: *«зал взорвался бурей аплодисментов»*, *«ужас сковал присутствующих»*, *«публика замерла, не в силах противиться...»*, а также всякие новаторские стилистические находки вроде «протуберанца». Много замечательных слов посвящалось выдающемуся режиссеру Виталию Вербицкому, который сумел донести до аудитории суть и дух самой кровавой шекспировской трагедии.

«Признаться», – нагнетал Добродеев, притворяясь простачком, – поначалу я воспринял скептически намерение Виталия, уж очень высоко он замахнулся, но, просидев, затаив дыхание, все три часа спектакля, я понял, как сильно ошибался! Вербицкий потряс меня в очередной раз! Ему удалось ухватить и передать... – Тут был пропуск, так как Добродеев пока не придумал, что именно удалось ухватить и передать Вербицкому. – Чем доказал, что...»

– Не люблю этой пьесы, слышишь? – перебил поток мыслей журналиста Монах.

– Ты не любишь «Макбет»? – поразился Добродеев.

– Ш-ш-ш! – зашипел Монах. – Не повторяй названия, не к добру. Можешь сказать *«проклятая пьеса»* или *«та пьеса»*, но никаких названий. А что, должен любить?

– Не смей меня! – хихикнул Леша Добродеев. – Ты веришь в эту галиматью? Любой культурный человек должен.

– Верь не верь, а факты вещь упрямая, как любят повторять все уважающие себя следователи из криминальных романов. Насчет «должен» в корне не согласен. Пьеса незаурядная, не спорю, но любить или не любить – дело вкуса. Вообще мне трудно представить себе особь, которой *это* может понравиться. А ходят в основном из-за личности актеров. Я, например, никогда не видел на сцене нашу местную знаменитость... этого... как его? Потому и поддался.

– Как его! – фыркнул Добродеев. – Петр Звягильский! Корифей и классный мужик. Факты... Какие еще факты? Ты веришь в проклятье? Ха! Трижды ха. Не ожидал. Ну, читал! Все актеры, игравшие леди Макбет, рано или поздно умерли. Это вроде проклятия фараонов – все археологи тоже умерли. Рано или поздно. А ты, Монах, доверчив, как...

– Для репортера, который пишет о летающих тарелках, ты, Леша, удивительно бескрыл, – перебил Монах. – На премьере пьесы в «Глобусе»... если память мне не изменяет, в одна

тысяча шестьсот каком-то году, внезапно скончался актер, игравший леди Эм... не к ночи будь помянута эта славная женщина. Тогда женские роли играли мужчины, как тебе известно... должно быть. Спектакль хотели отменить, но автор не позволил и сыграл сам. Артисты, как ты знаешь, народ суеверный, вся труппа была страшно перепугана, тряслась от ужаса и играла как на похоронах. Тем более сплошные проклятья, предательства и реки крови. Как признался один из них, он все время ожидал: то ли подмостки рухнут, то ли пожар, то ли еще какая напасть. Публика затаила дыхание и готова была удариться в панику. А начало помнишь?

– Не припоминаю, – наморщил лоб Добродеев. – Какие-то ведьмы...

– Какие-то ведьмы! – фыркнул Монах. – Для гуманитария и любителя наследия великого барда более чем скромно. В чем там дело, хоть знаешь?

– Ну... в общих чертах. После битвы с кем-то там король Дункан остановился в замке Макбета, а тот его убил, потому что леди Макбет хотела стать королевой. И многих других тоже.

– С кем-то там... С норвежцами! Ладно, живи пока. Ведьмы, Леша! Ведьмы – это серьезно. В те времена их было немерено, гадили, как могли, и народ старался держаться от них подальше. Представляешь себе настрой публики – внезапная смерть актера, ведьмовские проклятья, море трупов. Тем более считается... только это между нами!

– Сейчас не меньше, – пробормотал Добродеев. – Ведьм...

Монах понизил голос, и журналист наклонился к нему, чтобы не пропустить ни слова. В проклятья он, разумеется, не верил, но тема была перспективной, и он уже прикидывал, как изменить угол подачи и всунуть эту чертовщину в статью, шестеренки в голове резво закрутились... Ну, там, набуровить мистики, колдовства, всяких страшилок, личные впечатления от премьеры, от которых мороз по коже, не забыть предчувствия, тоску в сердце, кошмарный сон накануне премьеры, разлитый кофе, рассыпанную соль и вой соседской сучки... дрянная все-таки собака! Встряхнуть читателя и подарить ему праздник. Поменять акценты и углы! Как сказал один известный писатель романов-ужасов: «Что может быть прекраснее доброго смачного ужастика на ночь!» Как-то так. Публика любит, когда ее пугают. Молодец Монах!

Первые строчки вылупились с ходу: *«Вечер премьеры «Той пьесы» не предвещал ничего худого. Светила полная луна. К ночи похолодало и прояснилось. Все было как обычно... если бы не крайне неприятный эпизод в самом начале, у входа в Молодежный...»* Или наоборот: *«Все словно предвещало несчастье – и кроваво-красная полная луна, проплывающая в черном небе, и вой беспризорной собаки, и ледяной ветер, пронизывающий до самых костей. Кроме того, крайне неприятный эпизод...»*

Тут надо придумать *нечто*, решил Добродеев. Хорошо бы, неизвестная страшная старуха, потрясающая клюкой, прокляла Молодежный в целом и режиссера Виталия Вербицкого в частности за... Тут надо снова подумать. Может, режиссер соблазнил ее внучку. За разврат, допустим. Призвала кару небес, так сказать. Или за увлечение порно в перепевах классики, что вызывало как горячий интерес публики, так и горячее неприятие всяких ретроградов-литературоведов. И голос визгливый, и руку подняла и грозит кривым черным пальцем. Вполне возможно, учительница литературы на пенсии. И луна вдруг спряталась за тучу. И упала тьма кромешная... тут можно провести аналогию с преисподней – *темень как в преисподней!* Тут бы не помешал раскат грома... чтоб рявкнуло от души!

«Публика, преисполненная дурных предчувствий, замерла, не в силах пошевелиться, неприятный ледяной холодок пробежал по спинам присутствующих...»

Шестеренки в голове Леша Добродеева крутились все резвее, мысли наталкивались друг на друга и кружились как в водовороте. Леша замер и уставился на пустую еще сцену.

– Шекспир увлекался оккультизмом и вставил в текст реальные сатанинские приговоры, что доказано, – продолжал Монах, не подозревая, что журналист впал в транс. – Каждый спектакль сопровождался какой-нибудь пакостью – то внезапной смертью актера, то бурей, то паде-

нием в оркестровую яму директора театра во время приветственной речи. Ее сто лет не ставили, а музыку, написанную для пьесы, с тех пор не исполняют, боятся, а некоторые сцены вообще переписаны...

– Виталий Вербицкий тоже кое-что переписал, он это любит, – очнулся Добродеев. – Он всегда переписывает классику, в смысле, осовременивает.

– Ага, Вербицкий и Шекспир. Звучит. Зачем переписывать классику? На то она и классика.

– Ты думаешь, это правда? – невпопад спросил Добродеев. – Насчет проклятья?

– Черт его знает! «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», как сказал тот же Шекспир устами принца Гамлета. Как волхв – верю, как физик – сомневаюсь. А сомнения, к твоему сведению, есть рабочее состояние всякой креативной личности. Толчок к познанию, образно выражаясь.

Они замолчали, так как на сцену стремительно вышел режиссер Виталий Вербицкий. Раздались аплодисменты, захлопали стулья – публика начала вставать. Он стоял на сцене – высокий, сильный, похожий на викинга со своей белой косичкой и бородой, в кожаных штанах и расшитой бисером кожаной тунике. Стоял спокойно, склонив голову, словно смирившись с бременем славы. Потом протянул в зал руки, призывая к тишине, и сказал звучным басом:

– Спасибо, что вы здесь, друзья. Это честь для меня. Сегодня у нас не обычный спектакль, а премьера. После долгих споров мы решились и сделали *эту пьесу*. И сегодня выставляем наше детище на ваш суд.

– Интересно, скажет «Макбет» или нет? – подумал Добродеев.

Режиссер говорил «пьеса» или «та пьеса», ни разу не выговорив ее названия.

– Ну, жук! – восхитился Добродеев. – Интриган тот еще! Манипулятор. С самого начала создает настрой.

Конечно, знают о том, что пьеса «проклятая», единицы, остальные не обратят внимания... но тем не менее тем не менее. Хорошо бы еще он свалился в оркестровую яму, чтобы поддержать репутацию, но не с нашим счастьем. Тем более оркестровой ямы в Молодежном нет. Можно, правда, просто упасть со сцены... Черт, надо было подсказать – Виталия любит всякие сомнительные спецэффекты и фокусы, шутоварь еще тот и способен на все. Добродеев закрыл глаза и представил, как режиссер падает со сцены...

Виталий Вербицкий! Кто в городе не знает Виталия Вербицкого? Низвергателя канонов, мастера эпатажа, героя скандалов! Любимца города, между прочим. Примерно раз в год театр закрывают на неделю, снимают уже готовый спектакль, как правило, за порнографию, режиссер подает в суд и раздражается циклом статей в желтоватой «Вечерней лошади» насчет лицемеров и филистеров. В городе оживление; представляет Виталию в суде самый известный и самый бессовестный городской адвокат мэтр Рыдаев; поклонницы рвут на себе волосы и на руках выносят Виталию из зала суда. Причем загадка и интрига – кто платит за удовольствие: у мэтра баснословные гонорары, а у Вербицкого денег кот наплакал. Добродеев подозревал, что никто – Пашка Рыдаев работает за так, для рекламы. Возможно, из любви к искусству. Последнее, правда, сомнительно.

Вербицкий меж тем закончил спич, поклонился в пояс и, печатая шаг, удалился со сцены.

Занавес дернулся и пополз в стороны, открывая три отвратительные фигуры в тряпье – трех ведьм, трех «пузырей земли», – трепещущие на сквозняке ленточки кумача, имитирующие пламя, казан с «варевом». Одна из ведьм, самая страшная, седая и горбатая, мешает черпаком в котле и бормочет заклинания.

Глухая ночь вокруг, тревожно шумят деревья, покачивается казан на треноге, горит костер, скрежещет о дно черпак; раскаты грома и блики молнии...

В зале гробовая тишина, публика затаила дыхание.

– *Когда нам вновь сойтись втроем в дождь, под молнию и гром?*¹ – начинает, завывая, ведьма в колпаке, трясая головой, отбрасывая назад седые космы.

– *Сейчас! Зло станет правдой, правда – злом!* – вторит товарка с черпаком. – *Взовьемся в воздухе гнилом!*

Третья вздымает руки, и тут же ослепительно сверкает молния и раздается оглушительный раскат грома.

Леша Добродеев смотрел на сцену, мысленно сочиняя статью, а Монах от нечего делать рассматривал публику. Пьеса вгоняла его в депрессию, кроме того, ведьмы были ненатуральны, декоративны и слишком орали. Да и грим... любительский. У той, что с черпаком, перекопился парик. Хотя, не мог он не признать, с перекошенным париком выразительнее. Лица вокруг Монаха были серьезны и сосредоточены, руки дам судорожно сжимали сумочки. Монах косил взглядом вправо и влево, так как вообще любил рассматривать лица и определять, что именно они выражают в данный момент и как: то ли раскрыв рот, то ли нахмутив брови, то ли кусая себя за палец. Он заметил капельки испарины на лбу Леша Добродеева и подумал, вишь, как того проняло... искусством. Ему было невдомек, что журналист весь в сочинительстве, а потому слабо воспринимает окружающую действительность.

На сцене меж тем появляются новые персонажи. Входят Макбет и Банко. Монах заглянул в программку. В роли Макбета заслуженный артист, тот самый, местная знаменитость, Петр Звягильский. Артист немолод, с изрядным животом любителя пива; на голове его рогатый шлем с плюмажем, на плечах полосатая тигровая шкура; хвост ее волочится по земле. Шкура заметно бита молью. Видимо, шкура – одна из новаторских идей режиссера. Зал взрывается аплодисментами. Некоторые встают. Актер кланяется.

– *Не помню дня суровой и прекрасней!* – говорит Макбет звучным сильным голосом, дождавшись тишины.

Ведьмы взывают дикими голосами. Макбет отступает, требуя ответить, кто они.

– *Будь здрав, Макбет!* – вопит первая ведьма.

– *Будь здрав, Макбет! Будь здрав!* – вторит ей другая.

– *Будь здрав, будь здрав, Макбет, король в грядущем!*

Третья простирается у ног Макбета, прижимается лицом к сапогу. Тот, брезгливо кривась, отталкивает ее. Ведьма отползает, опрокидывается на спину и грозит корявым пальцем. Две другие хихикают и бормочут заклинания.

Монах наконец заинтересовался происходящим. Потом ему казалось, что он почувствовал нечто, витавшее в воздухе. Некий холодный сквознячок предчувствия. Он подался вперед и уставился на сцену, пытаясь понять, что вызвало ощущение зла. На сцене Макбет, Банко и три хихикающие старухи. Одна грозит пальцем – кривым черным пальцем протыкает пустоту – и бормочет проклятия.

Макбет подходит к краю сцены, волоча за собой тигровый хвост, вздымает руку. Тишина в зале стоит гробовая. Неприятно жужжит тусклая лампочка в одном из светильников.

Добродеев нагибается за упавшей программкой. Монах оглядывается и привстает, подавляя острое желание вскочить и прыгнуть на сцену, переживая одно из тех состояний, когда ему *открывается...* нечто. Когда-то это спасло ему жизнь.

Макбет вздымает руку, другой поправляет на груди застежки тигровой шкуры, снимает рогатый шлем; держит его в руке; видно, как покачиваются от сквозняка перья плюмажа. Пауза. И вдруг... Макбет вспыхивает как факел! Ведьмы вопят в ужасе; Банко бросается к товарищу и пытается стащить с него шкуру; сбрасывает камзол, пытается сбить пламя. С треском сгорают перья на шлеме. Макбет кричит и падает, взмахнув руками. Его фигура объята огнем; он больше не кричит. Монах лезет на сцену, стаскивая с себя свитер; бросается к Мак-

¹ Здесь и далее перевод М. Лозинского.

бету, набрасывает на него свитер; в лицо ему полыхает пламя. Он отступает, кричит: «Леша, огнетушитель!» На сцену выскакивает человек в синем комбинезоне, в руках его огнетушитель. Из огнетушителя с шипением вырывается пенная струя...

Никто ничего не понимает, публика растерянно поднимается с кресел. Минутное замешательство, затем визг, крики и хлопанье сидений. То, что происходит на сцене, не похоже на новаторский прием культового режиссера; по залу расплзается отвратительная вонь горящих тряпок.

Пламя уступает и гаснет; через пару минут на сцене лежит неподвижная обгоревшая грудa, покрытая белой банной пеной; растерянно стоят три ведьмы, Банко, Монах и человек в синем комбинезоне. На сцену выскакивает Виталий Вербицкий, кричит:

– Петя! Петя! – бросается на колени перед страшной грудой, трясет ее.

Публика меж тем пришла в себя и рванула из зала. Кто-то закричал: «Пожар!» У выхода началась давка, кого-то придавили, кого сбили на пол; крики, натиск, рукопашная. Вторую половину массивной двери, остававшуюся закрытой, снесли в секунды. Народ слетал со ступенек, вне себя от ужаса; раздевалку взяли приступом...

Спустя несколько минут в зале остались лишь Добродеев, растерянно топтавшийся у сцены, пытаюсь рассмотреть, что случилось, да несколько фигур на сцене.

– Он что, загорелся? – Вербицкий повернулся к Банко. – Каким образом? Откуда огонь? Как это случилось?

– Не знаю! – закричал Банко. – Он снял шлем, подошел к краю и вдруг загорелся! Это было как... не знаю! Сразу! Он загорелся, как сноп! Так и вспыхнул! Сразу после пророчества. Надо «Скорую» и полицию! Может, он еще жив...

– Проклятая пьеса, – пробормотал Добродеев. – Все-таки проклятая...

– Он мертв, – сказал Монах, поднимаясь с колен.

Глава 4

Детективный клуб толстых и красивых любителей пива

Монах явился на сходку первым. Приветствовал бармена Митрича – он же хозяин «Тутси» – и уселся за столик в углу. Митрич бросил пост и подбежал. Спросил тревожно:

– Олежка, ты в курсе насчет Молодежного? Что там случилось? Говорят, актер сгорел прямо на сцене? Говорят, пьеса нехорошая... в смысле, чертовщина какая-то. Весь город как с ума сошел! Сплетни, слухи, городят такое, уму непостижимо! У Виталика Вербицкого всегда какие-то вывихи, вечно его то в суд таскают, то закрывают. Так что я не удивляюсь...

– В курсе, – ответил Монах сдержанно, оглаживая бороду. – Я там был. Я думаю, Вербицкий ни при чем.

– Ты? В театре? – поразился Митрич. – Ты был в театре и сам все видел?

– Был и видел. У них была премьера «проклятой пьесы»...

– Так и называется?

– Нет, называется «Макбет». Считается проклятой, потому что во время спектакля вечно что-то случалось – то актер скоропостижно умирал, то декорации падали. А теперь вот... тоже не избежали.

– А что случилось? Пожар?

– Нет, Митрич, не пожар. Актер, игравший Макбета, загорелся и погиб.

– Как это загорелся? Как это можно вдруг загореться? Спичку бросили или зажигалкой?

– Нет. Ты про самопроизвольное возгорание слышал? Самовозгорание?

– Самовозгорание? – Митрич наморщил лоб. – Нет вроде. А что, и такое бывает?

– Говорят, бывает. Я лично не видел. Но химики говорят, бывает. Правда, официальная наука этот феномен не признает и относит к паранормальным. Вроде полтергейста.

– И человек вот так, за здорово живешь, сгорает?

– Говорят, сгорает.

– Что значит, говорят? Ты же видел!

– Я-то видел, но трудно сказать, что именно. Актер вдруг загорелся...

– Петя Звягильский! Бывал у меня, вон на фотке, – Митрич махнул рукой в сторону фотографий на стене. – С автографом. Царствие ему небесное. Нормальный мужик был. Бедняга! Аж не верится... Олежка, а может, шаровая молния?

– Нет, Митрич. Не молния. Там работают криминалисты, пока ничего не известно. Нас продержали в театре два часа, допрашивали, что да как. Сейчас подгребет Леша Добродеев, может, чего просочилось. У него везде свои люди.

– А отчего оно бывает, это самовозгорание?

Монах пожал плечами:

– Мнения на сей счет расходятся. летописные источники свидетельствуют, что самовозгорание имело место быть на протяжении всей истории человечества, называлось дьявольским огнем и постигало грешников. Существует также версия, что самовозгораются курящие алкоголики, проспиртованные и прокуренные. Так что разброс мнений достаточно широк, на все вкусы – для верующих и агностиков.

– Леша! – закричал вдруг Митрич. – Леша пришел!

Журналист Алексей Добродеев неторопливо подошел, уселся. Лицо его было мрачным.

– Ну что, Леша? Что нового? – нетерпеливо спросил Митрич. – Что-нибудь уже известно?

– Ну, кое-что... есть предположения, – сказал Добродеев загадочно.

– Какие? – спросил Митрич, умирая от любопытства.

– Ну... – Добродеев, напуская туману, пошевелил пальцами.

– Это белый фосфор? – спросил Монах.

– Откуда ты знаешь? – оstonбенел Добродеев.

– Не вижу другого объяснения, Леша. Белый фосфор на воздухе самопроизвольно воспламеняется, поэтому его хранят в определенных жидкостях. Например в сероуглероде. Когда жидкость испаряется, фосфор вспыхивает. Это элементарно доказывается, мы, помню, валяли дурака на уроках химии в старших классах, воспламеняли свечу. Ничего другого я себе не могу представить. Я прав?

– Ты, Христофорыч, всегда прав, – разочарованно сказал Добродеев.

– Ты же сказал, самовозгорание! – напомнил Митрич. – Тогда... что же это получается? Его облили этой жидкостью?

– Я предположил, чисто гипотетически. Но я не верю в самовозгорание, Митрич. Думаю, его облили этой жидкостью, а когда она испарилась, он загорелся.

– То есть это... что? Убийство? Господи! – Митрич перекрестился.

– Как ты догадался? – спросил Добродеев.

– Я не догадался, я с самого начала предположил. Самовозгорание, в которое я не верю, или фосфор. Больше ничего путного я не придумал.

– И ничего не сказал!

– Нужно было подумать, Леша, я ведь мог ошибаться.

– А где его взять, этот сероуглерод? – спросил Митрич.

– Да где угодно. Можно даже получить в домашних условиях – пары серы пропускаются через раскаленные угли, но это трудоемкий процесс. Тем более он ядовитый. В Интернете даже картинка есть, как построить перегонный аппарат. Но лично я купил бы, чтобы не заморачиваться. В аптеке должны продавать. Кстати, это хороший растворитель.

– В аптеке?

– В аптеке. Знающие люди говорят, сероуглеродом можно лечить алкоголизм. Но побочные эффекты таковы, что лично я продолжал бы пить.

– А фосфор?

– Набери в Интернете «купить фосфор» и получишь. Было бы желание, Митрич, сам знаешь.

...Олег Христофорович Монахов, Монах для близких и друзей, был необычной личностью. Даже внешность у него была необычной. Он был толст, большеголов, с длинными русыми волосами, скрученными в узел на затылке, и рыжей окладистой бородой. С голубыми пытливыми глазами, которые видели собеседника насквозь. Бабульки крестились при виде Монаха, принимая за служителя культа, а он серьезно кивал и осенял их мановением длани. Весь его облик излучал такое вселенское спокойствие и безмятежность, что всякому хотелось его потрогать в надежде, что и на него перейдет кусочек благодати.

В свое время он практиковал как экстрасенс и целитель, и от страждущих не было отбоя. А еще он преподавал физику в местном педвузе, защитил кандидатскую. Потом перекинулся на психологию, стремясь разобраться в душе как собственной, так и страждущих. Он был женат три раза, и жены его были красавицами и умницами, и дружеские отношения сохранялись после разводов...

Почему был, спросите вы? Почему в прошлом времени? Да по одной-единственной причине – Монах склонен к перемене мест, он бродяга по натуре, он счастлив, когда топает куда-то вдаль с неподъемным рюкзаком за плечами. И рано или поздно в его жизни наступает момент, когда он все бросает – и жен, и насиженное место, и друзей, и летит «за туманом и за запахом тайги» на Алтай, в Монголию или в Непал.

И там, затерявшись в непроходимых дебрях, сидит неподвижно на большом валуне, смотрит на заснеженные горные пики и любит цветущими белыми и красными олеандрами;

в прищуренных его глазах отражается серебряный рассвет. Безмятежность, покой, сложенные на коленях руки... Он похож на Будду.

Бродит по бездорожью, спит в палатке под развесистым кедром или орешником, варит на костре пойманную рыбу, а то и добытого некрупного зверя, погружен в разные интересные мысли. Там классно думается, под развесистым кедром, – ни тебе голосящего мобильного, ни Интернета, ни скайпа, ни докучливого трепливого соседа, ни надоевших звуков цивилизации. Думается о чем, спросите вы? Да мало ли! О судьбах мира, загадках истории, физических парадоксах вроде путешествий во времени и версиях о происхождении человека. Неважно о чем. Можно еще попытаться доказать мысленно теорему какого-нибудь выдающегося математика, до сих пор никем не доказанную. Круг интересов Монаха глобален. Он смотрит на огонь и выстраивает свои мысли в некий логический ряд, пытаюсь *уразуметь*, с нетерпением ожидая пронзительного чувства озарения. Пошумливают верхушки деревьев, всплескивает ручей, посверкивают низкие большие звезды, и воздух хрустально прозрачен, холоден и чист; Монах размышляет. Он уравновешен с окружающей средой – наверное, это называется счастьем.

Он понимает в травах, ему сварить снадобье раз плюнуть. Он чувствует, что нужно смешать... и куда намазать, и сколько принять внутрь, чтобы не простудиться. И спишь после них как младенец, и видишь сны. Правда, потом их трудно, почти невозможно вспомнить – только и остается чувство, что обмыслилась и доказалась некая суперзадача, а вот какая – увы. Зато наутро принявший накануне индивидуум свеж и бодр, мыслительные шестеренки крутятся будь здоров, мысль бежит вприпрыжку, голова варит и всякая проблема, непосильная вчера, разрешается на счет раз-два. И никакого похмельного синдрома.

Иногда, очень редко правда, Монах видит картинки. Всего два раза в жизни, если быть честным. Один раз он увидел себя, вынесенного волнами на берег, бездыханного, разбитого о камни. Это случилось за пару минут примерно до того, как он сунулся форсировать вброд незнакомую речонку. Картинка была настолько жизненна, что он сразу поверил, так как считает себя волхвом и ясновидящим и убежден, что открыто ему нечто, скрытое за семью печатями. Во второй раз он увидел бездыханное тело старой дамы с распущенными седыми волосами и, по его собственным словам, чуть не помер со страху. Ну, да это долгая история, о ней как-нибудь в другой раз².

А еще бывают у него предчувствия. Назовите это инстинктом самосохранения, богатым воображением, жизненным опытом... не суть. Как в Молодежном, за минуту до трагического события. Словно ветерок пролетел, оставляя после себя ощущение тоски и жути.

С журналистом Алексеем Генриховичем Добродеевым Монах познакомился, можно сказать, случайно. Что называется, судьба свела. Его попросили разобраться с убийствами девушек по вызову...³ С какого перепугу, спрашивается? В смысле, с какого перепугу попросили. Он что, частный сыщик? Оперативник в прошлом? Нет, нет и нет. Монах не частный сыщик и не оперативник в прошлом, а попросили его по той простой причине, что пару лет назад он открыл в Сети сайт под названием «Бюро случайных находок» – то ли припадок любви к ближнему накатило, то ли соскучился по людям, скитаясь в тайге, – а только захотелось Монаху новых прекрасных жизненных смыслов. И там он обещал помощь бывалого человека и путешественника под девизом: «*Не бывает безвыходных ситуаций*» – всем попавшим в некрасивую историю. Нельзя сказать, что от желающих отбоя не было, за весь отчетный период позволили и попросили о помощи всего-навсего двое. В итоге Монах раскрутил два красивых дела из тех, что называется, резонансных, обскакав оперативников, в результате чего уверовал в свой детективный гений. Нет, не так. Он *подтвердил* свой детективный гений, в котором никогда не сомневался, просто руки не доходили попробовать.

² Читайте об этом в романе И. Бачинской «Конец земной истории».

³ Читайте об этом в романе И. Бачинской «Маятник судьбы».

В ходе расследований Монах вышел на местного журналиста Лео Глюка, который бойко писал об убийствах, причем напускал туману с намеком, что ему якобы известно *нечто*. Недолго думая, Монах позвонил журналисту, и встреча состоялась. Вопреки ожиданиям Монаха, Лео Глюк оказался не притклым глостоперым выюношем, как ему ожидалось, а солидным на вид толстым мужчиной, но при этом подвижным, болтливым и любопытным, к тому же от избытка воображения привирающим по любому поводу и без, как, впрочем, и полагается всякому уважающему себя репортеру скандальной хроники. Звали его Алексей Генрихович Добродеев. Имя Лео Глюк было одним из псевдонимов журналиста.

Они сразу нашли общий язык, заключили союз о творческой взаимопомощи и нарекли свое детище Детективным клубом толстых и красивых любителей пива. Монах был интеллектуальным двигателем и аналитиком, а Добродеев добытчиком информации из самых достоверных источников, так как у него везде все схвачено; он также подставлял плечо и разделял самые странные идеи Монаха... по причине некоторой склонности к аферам и мистификациям. Бар «Тутси» стал явочной квартирой клуба. Тот самый, где барменом добряк Митрич, он же хозяин заведения. Добавьте сюда фирменные бутерброды с маринованным огурчиком и пиво! И девушку, которая поет по субботам. Не дешевую попсу, а настоящие старинные романсы, а также из бардов. И вам сразу станет ясно, что «Тутси» – бар для понимающих: без криков, скандалов и мордобоя, с теплой, почти семейной атмосферой...

– Виталю уже арестовали? – озабоченно спросил Митрич.

– На свободе пока, – сказал Добродеев. – За что его арестовывать?

– Ну как же! Его же театр... да и репутация у него мама не горюй! А если это он придумал с фосфором, для пушкого эффекта, а все пошло не так? Нет, я ничего не хочу сказать, но ведь это Виталья!

Добродеев и Монах переглянулись.

– Вряд ли, – сказал Добродеев с сомнением. – Не дурак же он полный...

Фраза осталась неоконченной и повисла в воздухе. Репутация у режиссера была подмоченной и печально известной, и никто не поручился бы, что до такой степени не дурак. Кто способен измерить степень дурачества?

– А помнишь, как он ходил по городу босиком в венке и ночной рубашке?

– В тоге, а не рубашке. Тогда их оштрафовали за драку на премьере «Нерона» и сняли спектакль.

– А дудел в трубу на площади?

– Ну да, изображал глашатая, зазывал на «Двенадцатую ночь». Было.

– Можно, я скажу, – встрял в поток воспоминаний Монах. – Фосфор – это серьезно, это смертельный номер. Вербицкий – хулиган и творческая натура, но не идиот, и я никогда не поверю, что он устроил факел из собственного актера. Фосфор – это отвратительная вонючая дрянь, которая воспламеняется на воздухе, и черта с два потушишь. Хорошо, что выскочил тот парень с огнетушителем, а то были бы еще жертвы. Мы с тобой, Леша, в том числе.

– Ты считаешь, что это была не случайность?

– Если я прав и это все-таки фосфор... Господи, да какая случайность! Его нужно было где-то достать, развести, облить... тигриную шкуру или что там... не знаю, рассчитать, чтобы полыхнуло на публике. Понимаешь, что страшно: тот, кто это придумал, устроил зрелище! И какова ирония: идет «проклятая пьеса», а по ходу врезан другой спектакль, тоже проклятый, поставленный психом-убийцей. Театр в театре... кстати, любимый драматургический прием во времена Шекспира.

– Подожди, Христофорыч, ты хочешь сказать, что это заранее спланированное убийство?

– Хотел бы я ошибаться, – мрачно ответил Монах.

– Как-то не верится... – покрутил головой Добродеев. – Кому он мешал?

– Петя Звягильский был хорошим человеком, я знал его лет двадцать. Общительный, сердечный... пил, правда. А голос какой! – Митрич промокнул глаза полотенцем. – Горе-то какое, вот так сгореть почем зря...

– Он не сгорел, – сказал Добродеев, – у него случился обширный инфаркт, и вряд ли он понял, что происходит.

Митрич снова перекрестился.

Глава 5

Тайная вечеря

Митрич убежал обслуживать новых клиентов, Монах и Добродеев остались одни.

– И знаешь, что самое интересное, Христофорыч? Ты не поверишь!

– Что?

– Виталя собирается повторить премьеру! – выпалил Добродеев. – Через две недели.

– А кто же будет Макбетом?

– А как, по-твоему? Ни один актер не согласился, сам понимаешь.

– Вербицкий? Отчаянный парень. Как Шекспир в свое время.

– Вот именно! Я ему сказал, что он искушает судьбу, а он говорит, что всегда держал судьбу за хвост и посмотрим, кто кого. Мол, не привык отступать.

– Достойно уважения. А коллектив не взбунтуется?

– Да они на него молятся, он для них гуру. А вообще, он везунчик, ему все сходит с рук.

– Связи?

– Дамы-функционеры питают к нему слабость... Ты же его видел! Спонсоры подкидывают. Он каменным лбом прошибает рутину, скандалит, валяет дурака, опошляет классику, но личность! Личность, Христофорыч. Безбашенная, но творческая. Знакомством с ним страшно гордятся.

– В каких вы отношениях?

– В самых. Что надо? – На лице Добродеева определилось выражение настороженности и любопытства.

– Я хотел бы посмотреть гримерку Звягильского. Можешь устроить?

– Она опечатана. – Монах выразительно шевельнул бровью, и Добродеев сказал после легкой заминки: – Решим, Христофорыч. Кстати, я дал в «Лошадь» материал о Молодежном, хочешь взглянуть? – Он вытащил из папки листки с машинописным текстом.

Монах углубился в чтение. Статья была подписана уже известным читателю псевдонимом Лео Глюк, и там было намешано всего, разве только на сей раз обошлось без прищельцев. Другими словами, там было всякой твари по паре, как любит говорить друг детства Монаха Жорик Шумейко. А именно: история «проклятой пьесы», начиная с премьеры в семнадцатом веке; подробный перечень жертв среди актеров, посмевавшихся покушаться; ведьмовство, мистика, «дьяволов огонь»; гром небесный, а также невидимая шаровая молния из параллельного пространства. А также много хороших слов о Пете Звягильском, которого автор хорошо знал, мир праху его. Материал был, что называется, пальчики оближешь. Он взрывал серые будни, бил в набат, заставлял вспомнить всякие дикие истории, имевшие место в жизни каждого горожанина – из тех, что пересказывают шепотом, оглядываясь при этом на темные окна.

– Хорошо, Леша. Красиво, – похвалил Монах и положил листки на стол.

Добродеев сделал вид, что смутился, махнул рукой.

– Да ладно тебе... А вообще, Христофорыч, что ты об этом думаешь?

– Это убийство, Леша. Однозначно. Тут скорее вопрос в том, зачем так демонстративно? На публике? Убийца прекрасно знал, что существует риск пожара со многими жертвами. Зачем?

– Ты уверен, что это убийство?

– Уверен. Я не вижу другого объяснения, случайность совершенно исключена.

– Ну и зачем так сложно?

– А затем, что здесь главное – не столько личность актера, сколько имевшая место публичность, понимаешь? Антураж! «Проклятая пьеса», Макбет – убийца короля, проклятия,

ведьмы... то есть внушается мысль, что иначе и быть не могло, что-то должно было произойти. Предчувствие и нагнетание беды, понимаешь? Пьеса в пьесе. Таинственный режиссер хотел сказать нечто... передать некий месседж, как ты говоришь.

– Какой месседж?

Монах пожал плечами и не ответил.

– Ты сказал, пьеса в пьесе... по-твоему, он актер?

– Необязательно, Леша. Я бы смог, ты бы смог.

– Я? – удивился Добродеев.

– Ты. Равно как и любой человек, Леша, который поставил себе *задачу*. Который больше думает о том, *что* он выиграет, чем о том, что его поймут, и тогда будет больно. Что оперативники? Нарыли что-нибудь?

– Выворачивают наизнанку всю труппу, провели обыски. Запечатали Петину гримерку...

– Театр закрыли?

– Официально нет, но, сам понимаешь, спектакли до конца месяца отменили, объявили траур. У меня в голове не укладывается, кто мог... и как.

– «Как» мы уже знаем. Кто? Кто-то, кто был у него незадолго до выхода на сцену, кто проник незамеченным, облил шкуру и вышел. Возможно, чужой. Возможно, свой зашел поздороваться перед спектак-лем, пообщаться и пожелать счастливой премьеры. Вернее, сделал вид, что пообщаться, а сам выбрал момент, когда там никого не было. Облил, вышел и смешался с публикой. Сидел и смотрел. Где-нибудь поближе к выходу. Если знал расположение помещений, то, однозначно, бывал раньше.

– Не принято желать счастливой премьеры, Христофорыч. Это к несчастью. Ты не представляешь себе, какие они суеверные. А теперь вообще с катушек слетят. Ты говоришь, свой или кто-то, кто бывал раньше? Ты хочешь сказать, кто-то из знакомых и друзей? Там всегда шляется прорва народу.

– Возможно, но не обязательно. Любой служивый мог зайти: слесарь, электрик, грузчик...

– Ты веришь, что грузчик придумал бы такую схему?

Монах задумался, огладил бороду, пожевал губами, почесал темечко.

– Я рассуждаю гипотетически, Леша. Тут нужен ай-кью повыше среднего, мозги нужны с извилинами. Грузчик вряд ли. Но человек в костюме грузчика, сам понимаешь... Сможешь устроить визит на завтра?

– Поговорю с Виталей.

– Я бы хотел также встретиться с актерами. Это можно?

– Если Виталия прикажет, они придут. – Добродеев помолчал немного; потом сказал: – Христофорыч, ты как насчет перекусить? Чего-то я проголодался. И Петю заодно помянем, хороший был человек.

Монах кивнул – принимается.

* * *

Монах временно квартировал у друга детства Жорика Шумейко и его супруги Анжелики. Семейство Жорика было слегка разгильдяйским и... Да что там слегка! Не слегка, а очень-таки разгильдяйским и расслабленным насчет дисциплины и порядка. Всякий, кто попадал в гостеприимную обитель Шумейко, чувствовал себя как дома, не в смысле, что у них в доме царил такой же, с позволения сказать, вечный кавардак, а в том, что встречали его тепло и душевно, так как любили гостей. Детишки, а их было трое, лезли к гостю на колени, дружелюбные домашние любимцы, вроде кошки Зуси и щенка Гоги, терлись об ноги и щедро оставляли шерсть на брюках и юбках. А на обеденном столе между тарелками уютно дремал хомяк

Шарик. Младшенький, Олежка, был крестником Монаха. Это был смысленный хитрован четырех лет от роду с луженой глоткой, которая очень помогала ему в жизни.

– Господи! – кричала Анжелика, расхаживающая за полдень в задрипанном халате и тапочках с собачьими мордами. – На, на, горе мое, только не ори! – Она тыкала сыну шоколадку, кусок торта или папин мобильник, неосторожно забытый на тумбочке в прихожей. – Смотри не сломай!

Надо ли упоминать, что мобильник бесследно исчезал в недрах квартиры, а Жорик, шаря по карманам и углам, сокрушался, куда он мог деться.

– Сына, ты не видел папин телефончик, – спрашивал он. – Анжелика! Ты не видела мой мобильник, – добивался Жорик. – Прямо черная дыра какая-то, ничего нельзя оставить!

– А ты не оставляй где попало, – отвечала Анжелика. – Если бы ты клал свои вещи на место, то... – Она зевала и умолкала, закончить фразу ей было лень.

– Ага, на место! – демонически хохотал тощий Жорик. – Можно подумать! А кто трогает мои инструменты? А кто тыкает гвоздем в телевизор?

– При чем тут телевизор? – удивлялась Анжелика. – Ты мобильник ищешь или гвоздик?

Жорик только рукой махал. Он прекрасно понимал, что с женой ему повезло. Анжелика была жизнерадостной и добродушной, никогда его не пилила, охотно смеялась незатейливым шуткам, как могла, воспитывала детишек, смотрела сериалы и читала детективы. Она бродила по квартире нечесаная, с лицом в маске из желтка и лимона, в халате, распихивая ногами домашних любимцев, в вечных поисках то очков, то кошелька, то щетки для волос, которые находились в самых неожиданных местах или не находились вовсе.

Набегавшись на воле, Монах возвращался домой и останавливался у Жорика и Анжелики, так как своего жилья у него не было. У них с Жориком была фабричка пищевых добавок, травяных чаев и настоев, называлась «Зеленый лист». Фабричка худо-бедно пыхла и даже приносила доход. Монах обеспечивал поставки трав из мест странствий, Жорик отвечал за технологии, а руководила финансами старинная знакомая Монаха, славная женщина по имени Кира, у которой с Монахом когда-то что-то намечалось, но в итоге не срослось. «Дурак ты, Монах, – говорил Жорик. – Такая женщина!» «Дурак», – не спорил Монах...

Он был женат три раза, как уже упоминалось ранее, и лезть в петлю в четвертый раз пока не собирался. Насчет петли – фигура речи, для красного словца, так сказать. Браки его были нормальными, даже хорошими, без скандалов и драк, а разбивались они по одной-единственной причине – сидел в Монахе зуд странствий, который гнал его по весне куда подальше. Он становился рассеянным, начинал тосковать, подолгу лежал, уставившись в потолок, видя себя у костерка на берегу быстрой речки, а в котелке булькает уха и пахнет лавровым листом. И какая женщина, спрашивается, это выдержит? Он дружил со своими бывшими, и они с радостью приняли бы его обратно, черт с ним, пусть сбегает по весне, все-таки хорошо было, с Монахом не соскучишься, но он никогда не возвращался к своим женщинам. Пережито, забыто, ворошить ни к чему, как сказала одна поэтесса. Единственное место, куда он возвращался, был дом Шумейко. Монах мог купить себе квартиру, фабричка позволяла, да и стояло это в его жизненных планах под номером один, да и выдержать Жориково семейство в больших дозах было затруднительно. Мог-то мог, да все руки не доходили. Сначала он грелся у семейного очага Шумейко, общался, рассказывал, где был и как его чуть не схарчил дикий медведь, выслушивал городские сплетни, а потом настрой уходил, Монах расслаблялся и думал, а на кой это все нужно, эта суета сует, забегаешься по брокерам, все равно скоро весна, труба зовет... а там посмотрим. Лежал часами на раздолбанном диване, рассматривая трещины на потолке.

...Монах отпер дверь своим ключом.

– Олежка, ты? – закричала из недр квартиры Анжелика. – Кушать хочешь?

– Привет, Анжелика! Пока не хочу. Жорик дома?

– Сейчас придёт, забежал купить хлеба.

Анжелика выплыла в прихожую.

– А кофе?

– Кофе давай, – согласился Монах. – Как детишки?

– Нормально. Марка получила двойку, стоит в углу. Куся делает уроки.

Марка, или Маша часто стояла в углу и особенно по этому поводу не заморачивалась. Ей было восемь, и характер у нее был мамин, добродушный. Куся – личный ребенок Анжелики, приданое, так сказать, зовут ее Кристина, и ей двенадцать. Девочка-дюймовочка, называл ее Монах за дробность и изящество. Она была старательной, хорошо училась и переживала из-за всякой мелочи. Не бери в голову, поучала ее Анжелика, подумаешь, тетрадку забыла! Подумаешь, замечание, подумаешь, за косичку дернули, а ты не реви, а дай сдачи! Мне бы твои заботы!

– Олежка, ты в курсе, что сгорел Молодежный театр? – спросила Анжелика, поставив перед Монахом литровую кружку отвратительного кофе. – В городе только и разговоров! Ожоговое отделение переполнено, сгорели насмерть три артиста. Ужас! Один заслуженный.

– Кое-что слышал, – осторожно отозвался Монах. – Что значит сгорел? Пожар?

– Бомба! – выпалила Анжелика. – Хотят Виталия Вербицкого известить. Он всем им поперек горла...

– Кто хочет известить?

– Ну, всякие чиновники и директор Драматического, они на ножах, зависть, все такое.

– Зависть? Чему завидовать-то?

– Ну как же! – вскричала Анжелика. – Драматический пустой, а в Молодежный билетники за три квартала из рук рвут! Вот тебе и зависть. Вербицкий – гений!

– То есть директор Драматического подложил бомбу под Молодежный? – уточнил Монах. – Чтобы известить гения Вербицкого?

– Ну... говорят, – сбавила тон Анжелика. – Знаешь, люди даром не скажут.

У Монаха было собственное мнение насчет правоты людей, но он оставил его при себе. Вместо этого он спросил:

– А что еще говорят люди?

– Ой, да разное! Ты же знаешь людей! – непоследовательно сказала Анжелика. – Вербицкий, кстати, тоже в больнице. А еще говорят, что пьеса проклятая... забыла, как называется, вроде проклятия фараонов. Лео Глюк в «Лошади» все расписал чин чинарем. Читаешь, и аж волосы дыбом! Чтобы в нашем городе такое... Ужас! Про колдовство и всякую черную магию... между прочим, ни одна ведьма не сгорела. В смысле, не сгорели актрисы, которые играли ведьм. Ни одна! Думаешь, совпадение? Пожарники тушили чуть не до утра, а огонь все горел и горел! Один пожарник упал с крыши. В смысле, обвалился вместе с крышей. Тоже теперь в ожоговом.

Анжелика раскраснелась, говорила бурно, размахивала руками и все время повторяла:

– Ужас!

Монах кивал, отхлебывая кофе. С кофе он, конечно, подставился – вечно забывает, что кофевар из Анжелики никудышный. Кофе, сваренный Анжеликой, мало что некрепкий, так еще и воняет жжеными перьями. Жорик такой любит, высыпает туда полсахарницы и сливок немерено. Монах смотрел на раковину, переводил взгляд на Анжелику, прикидывая, заметит ли, если он выльет туда кофе. Дверной звонок заставил его вздрогнуть. Анжелика побежала открывать, и Монах опрокинул кофе в раковину. Это был Жорик.

– Олежка, привет! – обрадовался Жорик, появляясь на пороге кухни. – Ты уже дома? Слышал новость? Молодежный вчера погорел! Говорят, шаровая молния врезала. А я ключ потерял.

– Какая еще молния?! – возмутилась Анжелика. – Бомба! Это третий ключ за год! Олежка, представляешь, он все время теряет ключи!

– Ты, Анжелка, думай, чего говоришь! Какая, к черту, бомба? Террористы? Ты бы за своим сыном следила, может, он и вытащил. Все из карманов тянет, ничего нельзя оставить.

– Нет, это Вербицкого хотят извести. Он в реанимации, неизвестно, выживет ли. Ага, давай гони на ребенка!

– Кому он на фиг нужен, твой Вербицкий? Еще бомбу на него трать!

Пока супруги препирались, Монах вытряхнул в кофеварку полпачки кофе, налил воды и щелкнул кнопкой...

Глава 6

Встреча. Дела давно минувших дней...

Невысокая женщина в серебристой норковой шубке стояла перед новогодней витриной шикарного бутичка в мегацентре. Там было всего: елка, красивая пара – мужчина во фраке, женщина в вечернем платье, оба с бокалами, – блестящие снежки, Дед Мороз, всякие зверушки, гора подарков, луна и звезды. Красочно, пестро, празднично. Тонкое бледное лицо женщины отражалось в зеркальном стекле витрины; узкая рука придерживала ворот шубки. Слабо улыбаясь, она рассматривала платье женщины, ее прическу, мужчину с глупой приклеенной улыбкой, радостного Деда Мороза с посохом, Снегурочку в пышном белом паричке.

Рядом с ней остановился крупный мужчина в распахнутой дубленке. Женщина увидела его отражение в стекле витрины и отодвинулась.

– Ида, ты? – вдруг сказал мужчина. – Сколько лет, сколько зим!

Женщина оглянулась.

– Андрей! Я думала, ты уехал.

Мужчина – это был Андрей Шепель – прижал ее к себе, поцеловал руку, потом в щеку.

– Как видишь, все еще в городе. Как ты? Как Толя? Как вы, ребята? Выглядишь прекрасно, такая же красавица.

– Да ладно тебе... Ты тоже!

– Идочка, пошли посидим где-нибудь. Поговорим. Не спешишь?

– С удовольствием, Андрюша. Не спешу.

Они устроились за столиком в углу маленького полупустого кафе с видом на фонтан, где неторопливо ворочались медленные красно-золотые рыбины. Назвать их рыбками не поворачивался язык, любой хватило бы на приличный обед.

– Смотри, какие громадные рыбы, – заметила Ида. – Рыбищи! Интересно, они настоящие или выведенные искусственно?

– Да они вообще ненастоящие, из пластика. Разве природа способна создать такой китч! – сказал Шепель. – Смотри, даже не шевелятся, наверное, батарейки сели.

– Из пластика? – Ида на минуту растерялась, не зная, как расценить его слова. Она даже привстала, рассматривая рыб. – Они живые! Смотри, вон та, здоровая, рот открыла, дышит!

Шепель рассмеялся, грубое его лицо стало мягче.

– Действительно, живая. Ты что будешь, Идочка? Кофе? Чай? Рыбу здесь не подают, наверное.

Ида тоже рассмеялась.

– Точно не подают. Мне кофе.

– Ты как? – спросил Шепель, с улыбкой рассматривая ее. – Выглядишь прекрасно, похудела... да? Вы, девушки, по-моему, слишком увлекаетесь диетами. Запомни, от них портится характер. Женщина, сидящая на диете, вечно недовольна, ворчит и думает о куске жареного мяса.

Ида снова рассмеялась.

– Я нормально, на диете не сижу, о куске жареного мяса не думаю. А ты как? Как следствие?

– Следствие зависло. Никого не нашли. Меня вызывали несколько раз, а теперь тишина. Они помолчали. Ида, опустив глаза, помешивала в чашке крошечной ложечкой.

– Ты кого-нибудь видишь? – спросил Шепель.

– Никого. Как-то звонила Тамара Сотник, еще летом. Спрашивала, как дела, предложила встретиться...

– Но ты отказалась, так?

– Но я отказалась. Я всегда ее побаивалась, у нее неприятный взгляд. Да и вообще...

– Ни с кем из нас тебе встречаться не хочется, – закончил он. – Разбежались и забыли. Ида улыбнулась.

– А еще я столкнулась со Светой Решетниковой, помнишь ее? Давно уже, кажется, в конце лета.

– Парикмахерша?

– Визажистка. Жаловалась на жизнь – ее друг, Кирюша Сутков, подсел на два года. Говорит, ни за что, страшная несправедливость, им лишь бы посадить. Правда, он лопух редкий.

Шепель рассмеялся.

– Да уж, невинно пострадавший! Помню я этого Кирюшу, на нем клейма негде ставить. Пытался втереться в мой бизнес, обещал инвестиции, сыпал идеями, ходил, звонил... едва отвязался.

– Света неплохая, я все время удивлялась, зачем он ей, – заметила Ида. – Она заводная, смешливая и незлая. Бросилась в бассейн, прямо в платье! С визгом, хохотом! Все так и шарахнулись.

– Любовь зла, Идочка.

– Зла, – согласилась Ида. – А ты... один?

– Один. Как-то не тянет больше на семейную жизнь. Сначала хорошо, а потом все идет под откос. Как Толя? Я никого с тех пор не видел...

– Ты имеешь в виду, как он пережил гибель Виты?

Долгую минуту они смотрели друг дружке в глаза.

– Ты знала, что твой Толя и моя Вита любовники? – спросил Шепель.

– Узнала на празднике. Наверное, я одна не знала.

– Я тоже не знал. Я остановился на Камале... видел их как-то в городе. Знаешь, любовников отличить нетрудно, то, как они смотрят друг на друга, прикасаются... Удивился – типичный жиголо, смазливый гибкий восточный красавчик. Я все ожидал, что он попросит у меня денег. – Андрей рассмеялся. – И как в воду смотрел. Говорят, скажи, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты. Та же история с любовником! Покажи мне любовника, и я многое пойму о женщине. Где он, кстати? Не подсел? Тот еще аферист, обещал связи в Египте, в Эмиратах. Деньги, разумеется, не вернул. Вита нас представила, он отрекомендовался бизнесменом. Одалживать деньги у мужа любовницы дурной тон, я считаю. Правда, я человек старомодный и несовременный.

Ида рассмеялась.

– У тебя такие строгие правила, Андрюша. Мир сейчас живет проще, мы все одна семья. Света сказала, что он уехал в Германию. Еще летом, как только ему разрешили уехать, так сразу и рванул. Он и его последняя подруга, Руслана. Ты должен ее знать, такая славная блондиночка с кукольной физиономией, страшно глупая. А Камаль, оказывается, наркоман.

– На что, интересно, они живут, – сказал Шепель без особого интереса.

– Руся – экзотическая танцовщица, она тут была нарасхват. Наверное, и там не теряется. А Камаль, должно быть, при ней, типичный альфонс.

– Экзотическая танцовщица – это стриптизерша?

– Ты что, никогда ее не видел? В «Белой сове»? У твоей Виты были интересные знакомства.

– Может, и видел, не помню. А ты с Толей... – Он замаялся.

– Тебя интересует, как я отношусь к его похождениям? Никак. Я очень болела, ты, наверное, знаешь. Он делал все, чтобы меня вытащить. Я ему благодарна. А его женщины... – Ида пожалала плечами; фраза повисла в воздухе.

– ... приходят и уходят, – закончил Шепель. – Ты мудрая женщина, Идочка.

– Ты тоже мудрый, ты ведь знал про Камалья.

– Туше! – рассмеялся Шепель. – Знал. Мне было все равно, если честно. Мы расходились все дальше, я даже на юбилее не был. Знаешь, я иногда думаю, если бы я не уехал... Накануне был страшный скандал, Вита хотела праздновать в Английском клубе... Я отказал, там же обдерут как липку, а мои дела не очень последнее время. Кризис, ничего не поделаешь. Кроме того, некоторые риски не оправдываются. – Он усмехнулся. – Вита и слышать ни о чем не хотела, Английский клуб, и баста. Ну, я хлопнул дверью, вроде пошел на принцип. Сейчас думаю, что был не прав, надо было согласиться, черт с ними, с деньгами. Забыл золотое правило: никогда не опускайся до ссоры с женщиной. Если бы я тогда не уехал, не было бы ни ограбления, ни убийства...

– Может, да, а может, нет. Я помню, очень удивилась, что тебя не было. Даже подумала, что ты сидишь в кабинете с бумагами, увлекся, обо всем забыл. Или не хочешь никого видеть...

– Меня не было, Идочка. Ты хочешь сказать, что веришь в судьбу?

– Как тебе сказать... Судьба, как я ее понимаю, – это черновик, набросок, а выбор все-таки за нами. Тут скорее несчастный случай. Несчастный непредвиденный слепой случай.

– Иногда выбора нет, – заметил Андрей.

– Иногда нет. А тот, что все-таки есть, нас не устраивает, и мы начинаем искать другой. Хотя, иногда я думаю, что не нужно барахтаться...

– Очень сложно для меня. Я человек простой – есть проблема, есть решение, желательно все сразу и крупными купюрами. Точка.

Ида улыбнулась.

– Вам, бизнесменам, лишь бы крупными купюрами. А если решений несколько? Разве не выбор?

– Сдаюсь! – Андрей поднял руки. – Выбор так выбор.

– Ты сказал, дело зависло?

– Похоже на то. Я звонил несколько раз следователю, ничего нового.

Ида покивала.

– Нелепая история, полон дом людей, всюду свет, все на виду... не понимаю! Ты не думал, что убийца кто-то свой? Кто-то, кто знал расположение комнат, знал, где сейф... Говорили, что он влез через окно на втором этаже в спальню, там невысоко. А может, просто поднялся по лестнице, и на него никто не обратил внимания.

– Следователь рассчитал по минутам, кто где был... не вижу никого убийцей. Твой Толя? Вряд ли, нет мотива. Наоборот, любовь! – Последнее слово он произнес с издевкой. Словно извиняясь, накрыл ее руку своей. – Камаль? Слабак, тут нужен сильный характер. Да и зачем? Он тянул из Виты деньги. Кирилл Сутков – мелкий жулик, убийства не его профиль. Разве что убийство было случайным – Вита застала его за ограблением сейфа. Вряд ли, сейф запросто не откроешь. Я думаю, следователь из кожи лез, чтобы прихватить его на чем-то, да не вышло. Разве что ты, Идочка? Мотив у тебя был сильный – ревность, любовь, страсти-мордасти. Могла? – Он, любуясь, смотрел на Иду.

– Еще как могла! Я женщина коварная и решительная, ты меня еще плохо знаешь. И сейфы люблю грабить. – Она улыбнулась в ответ, давая понять, что приняла шутку. Осторожно высвободила руку...

– Остальные женщины... вряд ли, – продолжал Шепель. – Не вижу мотива.

– Сколько угодно! – Ида рассмеялась. – Тамара была не против прибрать тебя к рукам, ненавидела Виту и страшно ей завидовала. Дурочка Руслана ревновала ее к Камалю, боялась, что он к ней вернется. Только у Светки не было мотива, наоборот, Вита была ее клиенткой, она делала на ней деньги. И Кириюшу она не ревновала, ему никогда бы не обломилось – Вита открыто над ним издевалась. Он был вроде шута – простой как грабли парень из пригорода.

– Значит, все-таки ищи женщину? – кивнул Шепель. – Я так и знал, всегда одно и то же. Ох уж эти мне женщины! С вами страшно иметь дело.

– То-то. А эти домработницы... что они? Они могли навести.

– Нет вроде. Их вывернули наизнанку. Тем более Даша с нами лет десять. Да и невестку ее мы хорошо знали. Я считаю, версия следствия про грабителя, который случайно нарвался на хозяйку дома, самая проходная. Роковая случайность. Во всяком случае, ничего другого я себе не представляю. Убийца влез в полный дом по одной-единственной причине – все двери нараспашку и сигнализация отключена. Если бы его заметили, то приняли бы за гостя. Знаешь, я даже допускаю, что кто-то из вас его видел. Я так и сказал следователю. Знаешь, мне почти все, кто был тогда, прислали соболезнования и фотки, все такие счастливые, подшофе, Вита в белом, как невеста, с бокалом, там и ты есть, и все остальные. Помню, какая-то женщина плавает в бассейне, одетая... ты говоришь, это визажистка... как ее? Света! Что такое визажистка, кстати?

– Косметика, макияж... что такое макияж, знаешь? Делает нас красивыми.

– Понятно. Я их часто рассматриваю, сначала думал уничтожить, а потом как-то так получилось, стал рассматривать. А вдруг, думаю, замечу что-нибудь... У тебя, наверное, тоже остались фотографии, я бы не отказался взглянуть. Чувствую, не надо бы, а поделывать ничего не могу, так и тянет. Одна радость, времени мало, все на бегу. Вечное движение.

– Я давно уже не фотографирую, Андрюша, неинтересно. Мне никто ничего не присылал, и поверь, мне вряд ли захотелось бы их рассматривать. Наоборот, хочется все забыть, как страшный сон...

– Понимаю. Вас держали там несколько часов, допрашивали... Я примчался через три часа, гнал всюду, повторял себе: не может быть, не верю, этого просто не может быть! Вы все были такие растерянные, перепуганные, друг на дружку не смотрите, полно оперов, всюду ходят... Чудовищная нелепость! Насколько же мы все зависим от случая и как мало значим с нашими планами, самоуверенностью, высокомерием. Жалкие создания, от которых ничего не зависит. Я помню, как мы были счастливы с Витой! Когда мы познакомились, она работала учительницей музыки, была такая скромная, страшно стеснялась. Мы много говорили... обо всем: литература, кино, музыка, в которой я профан; она играла на пианино, пела... У нее был «маленький» голос, теплый, необычного тембра, чуть вибрирующий... как будто дрожащий, я любил ее слушать. Я не знаю, когда все пошло вкривь и вкось. Она решила, что будет певицей, записала диск, разослала каким-то жуликам-продюсерам, которые наобещали с три короба – славу, признание, – стала раздражительной, обливала грязью нашу местную диву Стеллу Онищенко, у которой, оказывается, ни слуха, ни голоса, а вся карьера через постель. Растратила кучу денег. Я пытался урезонить, куда там! Стелла – враг номер один, с ней просыпалась, с ней засыпала. Ты ее защищаешь? Может, у тебя с ней шашни, может, она и с тобой, эта дрянь, потаскуха, уродка! Я хотел ребенка... какой ребенок? О чем ты? А карьера великой певицы, а слава? Говорить стало не о чем. Певица не состоялась, пришли злоба и разочарование, и появились любовники. Все разговоры сводились к деньгам... деньги, деньги, деньги! Она словно мстила мне за что-то. Я не идеальный муж, я пошел по линии наименьшего сопротивления. Слава богу, у меня была моя работа. Я старался меньше бывать дома, вот и в ее день рождения...

Он замолчал. Ида тоже молчала.

– Извини, что я так... расклеился, сам не ожидал. Ни с кем никогда не говорил о своей семейной жизни. Извини. Ненавижу нытиков. Мне всегда казалось, что между нами искра... маленькая такая искорка. Я могу сказать тебе... почти все.

Ида кивнула, не поднимая глаз.

– Ты устала? Отвезти тебя? – спросил Шепель после паузы.

– Не нужно, Андриюша. Просто вызови такси. Мне пора принимать лекарство, после него нужно полежать. Рада была тебя видеть, звони, не пропадай. Я как-то подрастеряла друзей в последнее время, тут и проблемы со здоровьем, и... то, что случилось летом. Никто никого не хочет видеть, мы как будто стали бояться друг друга... Почему, не знаешь?

– Думаешь, мы подозреваем друг друга? Кто-то что-то знает?

Ида пожала плечами и улыбнулась. Она еще больше побледнела, поникла и выглядела уставшей; под глазами наметились густая синева. Андрей подумал, что она похожа на больного ангела.

– Я позвоню тебе, девочка, – сказал Шепель, снова накрывая рукой ее руку. – Пообедаем вместе, не против? Поговорим о золотых рыбках.

Ида кивнула.

...Он усадил ее в такси, сунул водителю несколько бумажек. Стоял и смотрел вслед, пока машина не скрылась за поворотом. Потом вернулся в кафе, спросил еще кофе. Сидел, неторопливо отпивал и перебирал в памяти их разговор, разглядывая неподвижных золотых рыб в бассейне. Пытался вспомнить что-то сказанное Идой, какие-то оброненные вскользь слова или слово, истолковать и расставить по полочкам...

...Вечером за ужином Ида вспомнила:

– Толя, я сегодня видела Андрея Шепеля. Мы даже пили кофе в мегацентре.

– Андрея? – рассеянно отозвался муж, не выказывая особого интереса. – Как он? Как следствие? Нашли убийцу?

– Не нашли. Он говорит, время от времени позванивает следователю, спрашивает, но они ничего не знают. Я думаю, никого не найдут. Если до сих пор не нашли...

– Андрей в любом случае выйдет сухим из воды. Порода такая.

– Он тебе не нравится? – спросила Ида.

– Он мне безразличен. Надутый высокомерный тип... мы вели как-то одно дело, он нечестно играет. Прет, как бульдозер.

– Ты же говорил, что хочешь предложить ему совместный бизнес...

– Игорь отговорил, узнал кое-что о нем и отговорил. Он жесткий и неприятный тип, я думаю, Вита была с ним несчастна. – Игорь Костин был компаньоном Крамера.

«Жаловалась?» – чуть не слетело с языка Иды, но в последний момент она удержалась.

– Он к тебе приставал? – шутливо спросил Анатолий.

– Ко мне? – Ида рассмеялась. – Конечно! Приглашал поужинать в Английском клубе.

– А ты что?

– Обещала подумать. Сказала, спрошу мужа.

– Смотри у меня, – сказал Анатолий. – А то придется вызывать его на дуэль.

Глава 7

Монах в театре

Монах с торбой из «Магнолии» и Леша Добродеев переступили порог театра. Навстречу им уже спешил Виталий Вербицкий в черном фраке с бабочкой, похожий на директора дома ритуальных услуг. Лицо его было мрачным. Он троекратно облобызался с Лешей Добродеевым, протянул руку Монаху, которого помнил по печальной премьере, и сказал:

– Спасибо, что пришли, ребята! Наши все в Малом зале.

Они вошли в Малый зал. Гомон стих, все с любопытством уставились на Монаха. Артистов было человек сорок, они занимали первые ряды. Горели неяркие боковые бра, создавая эффект грота; было холодно и пахло кладовкой.

– Господа, позвольте представить нашего гостя, Монахова Олега Христофоровича, экстрасенса, целителя, парапсихолога и путешественника.

По залу пробежал шумок; народ привстал, чтобы рассмотреть Монаха.

– Экстрасенса и парапсихолога! – с нажимом повторил Вербицкий. – Лешу Добродеева, известного всем журналиста и старинного друга Молодежного, я думаю, можно не представлять, в нашем городе Лешу знает каждая собака.

Раздались жидкие аплодисменты; кто-то фыркнул. Добродеев поклонился, прижав руки к сердцу.

– Будет допрос третьей степени? – брякнул мужчина с бородой, сидевший на первом ряду. – Пара-психологическое давление на свидетелей?

Артисты захихикали.

– Арик, заткнись! – зашипел сосед мужчины с бородой, тощий парень в зеленом свитере.

– Ребята, ведите себя прилично! – одернула их хорошенькая девушка в норковой шубке, накинутой на плечи.

– Ляля Бо! – шепнул Добродеев на ухо Монаху, расплываясь в улыбке. – Инженю!

– Объясняю еще раз! – повысил голос Вербицкий. – Господин Монахов проведет...

– ...сеанс одновременной игры в великого детектива Ниро Вульфа! – заявил неугомонный с бородой.

Артисты снова захихикали. Виталий Вербицкий поднял руку, призывая к порядку.

– Позвольте мне, – сказал Монах, выступая вперед.

Он уселся на край сцены напротив аудитории, поставил рядом торбу из «Магнолии».

– А что у вас в сумочке? – спросил тощий в зеленом свитере. – Орудия пытки?

– Сейчас расскажу, – сказал благодушно Монах.

– Кто вы вообще такой? – пискнул кто-то из глубины зала.

– Меня зовут Олег Монахов...

– Христофорович ваш псевдоним?

– Нет, Христофором звали его папу!

– А фамилия Колумб?

Монах рассматривал зал, сохраняя на лице самое благодушное выражение. Шумок постепенно стих, записные шутники исчерпались; напоследок Ляля Бо восторженно выдохнула:

– Держит паузу!

Монах сунул руку в торбу. Тишина наступила такая, что стало слышно, как тонко, по-комариному, звенит крайний от сцены светильник. Монах подумал, что светильник точно так звенел и в прошлый раз...

Взгляды всех были прикованы к торбе в его руках. Монах не торопясь, вытащил из торбы литровую бутылку «Абсолюта» и пакет с пластиковыми стаканчиками.

– Ни фига себе! Водяра! – восхитился тощий в зеленом свитере.

– Заряжать будет!

Монах поднялся, расчесал бороду пятерней и сказал негромко:

– Господа, я хочу помянуть вашего собрата, замечательного артиста, прекрасного человека и верного друга Петра Звягильского. Я не имел чести знать его лично, но много о нем слышал. Трагическая его смерть загадочна, мистична, если хотите, и ни у кого нет точного ответа на вопрос, что это было.

– Самовозгорание! Я читал! – выкрикнул Арик.

– Возможно, господа, возможно. Но ведь возможно и другое...

– Что?

– А вот об этом мы с вами поговорим после... – Монах кивнул на бутылку. Неторопливо распечатал пластиковые стаканчики, свинтил пробку на бутылке и сказал: – Прошу вас, господа!

Захлопали сиденья, народ стал подтягиваться к сцене.

– Правильный чувак, – прошептал Вербицкий сидевшему рядом Леше Добродееву. – Как он их уделал!

– А то! – отозвался Добродеев, поднимаясь. – Ты его еще не знаешь, он настоящий волхв. Пошли, примем за упокой Пети.

Вербицкий несколько удивился, но отнес «волхва» за счет излишней эмоциональности журналиста. Он и сам часто ляпал несусветное ради красного словца, и ляпы его не лезли ни в какие ворота. Но, не поверив, тем не менее стал присматриваться к Монаху.

Они подошли к сцене, и Монах протянул им стаканчики с водкой.

– Мир праху твоему, Петя! – сказал Вербицкий, задрал голову к потолку. – Ты был нашим товарищем, ты был лицедеем, ты привык к сцене и славе, ты жил в пестром мире балагана. И смерть твоя была такой же яркой и балаганной, как и жизнь – в свете софитов, на публике... о чем еще может мечтать артист? Мы не забудем тебя, Петя! И ты нас не забывай, прилетай в гости. За Петю Звягильского!

– Господа, а теперь к делу! – начал Монах, когда поминальная церемония завершилась. – Смерть вашего друга была, увы, не самовозгоранием, как вы решили. Он был убит коварно и с особой жестокостью, и одно лишь утешает – Петр Звягильский умер не мучительной смертью в огне, а от обширного инфаркта...

В зале поднялся шум. Артисты вскакивали с мест, все кричали одновременно...

Монах вытянул вперед руки, призывая к тишине.

– Мы не знаем, кто это сделал, господа, но знаем, что не бывает идеальных преступлений и преступник всегда оставляет следы. И вот эти следы мы с вами сегодня и попытаемся найти. Гипнотизировать и ковыряться в вашем подсознании я не буду, мы просто поговорим. Вы люди взрослые и ответственные...

Вербицкий хмыкнул.

– ...и я уверен, что вы понимаете всю серьезность нашего форума. Меня интересует любая мелочь, любое, самое незначительное происшествие в тот роковой день. Меня интересует все, что показалось вам необычным, малейшее отклонение от рутины, опоздания, неизвестные лица или известные, но не там, где должны были находиться, необычное поведение любого работника театра, словом, все. Не бойтесь показаться смешными, высказывайте все, что придет в голову, каким бы нелепым это вам ни казалось. Я уверен, в каждом театре есть какие-то ритуалы, обычаи, приветствия и приколы... мне нужно все.

Минуту в зале царил мертвая тишина, артисты переваривали слова Монаха, а потом началось!

– У меня в гримерке перегорела лампочка! – закричала Ляля Бо.

– Я не мог открыть дверь в подсобку! Что-то в замке заело!

– Исчез компакт с музыкальным сопровождением, пришлось срочно искать дубликат!
– Электрик напился и уснул в гардеробе!
– Кто-то повесил черный бант на мое платье! – заявила басом средних лет дама. – Я играла леди Макбет. И я знаю, кто этот шутник.

– Не докажете!

И так далее, и тому подобное.

Вербицкий привстал было, но Добродеев удержал его, прошептал:

– Все в порядке, Виталя. Христофорыч знает, что делает.

Монах сидел на краю сцены, сложив руки на груди; лицо у него было сонным...

– У Пети кто-то был перед спектаклем!

Монах шевельнулся.

– Что ты несешь? Никого не было! Сплетни!

– Лидочка Новикова потеряла кошелек!

– Я потом нашла!

– Один зритель заблудился за кулисами! Ходил, чихал! С букетом.

– И гномик в красном колпачке!

– Это к Леночке!

– Неправда! Ко мне никто не приходил!

– У меня два вопроса! – поднял руку бородатый мужчина. – Первый! Как убийца это проделал? И второй: с точки зрения экстрасенса, разумно или нет искушать судьбу и повторять премьеру проклятой пьесы?

– Глупости! Никаких проклятых пьес! Хватит!

Монах кашлянул и сказал:

– Отвечу по порядку. Есть технологии... возгорания, так сказать, не хочу входить в детали. Это в объеме физики для средней школы. Что же касается премьеры, лично я повторил бы. Знаете, в народе говорят, молния не бьет дважды в одно и то же место.

– А если крыша упадет?

– Или сцена провалится?

– Не думаю, – сказал Монах. – В любом случае я бы рискнул. Иначе останется чувство недосказанности и чувство, что убийца запугал весь театр. Премьеру нужно повторить.

– А если он опять?

– Нет. Он выполнил свою миссию и больше не ударит.

– Откуда такая уверенность?

– Вы хотите сказать, что это был личный враг Пети? Он свел с ним счеты и успокоился? – спросил бородатый.

– Насчет личного врага не уверен. Я думаю, убийце нужно было зрелище, и он выбрал актера, который первым появился на сцене... после ведьм. Это мог быть Банко. Но Макбет колоритнее, к тому же центральная фигура. Но не в этом суть, главное то, что Макбет появляется в начале пьесы.

Гробовая тишина была ответом на его слова. Артисты недоуменно переглядывались.

– Какая разница? – спросил кто-то.

– Значит, по-вашему, Петя ни при чем?

– Ни при чем. Звягильский – случайная жертва. Но, как вы понимаете, это мое личное мнение.

– А если он убьет следующего Макбета?

– Нет, – сказал Монах. – Следующего он не убьет, иначе вы останетесь без режиссера.

Это было странное замечание. Актеры зашушукались. До Монаха явно донеслось: «А царь-то не настоящий!» и «Туфта, а не экстрасенс!»

– Чего-то твой волхв не того-с, – прошептал Вербицкий. – Идиотская логика...

Добродеев промолчал.

– Вы думаете, это его остановит? – спросила Ляля Бо.

– Я же сказал, что он выполнил свою миссию, – повторил Монах. – Больше он сюда не придет.

– Это вы нам как экстрасенс?

Монах кивнул Добродееву, тот поднялся и громко объявил:

– Сеанс закончен, господа! Все свободны.

Разочарованные артисты остались на своих местах. Никто ничего не понял, и никто не собирался уходить.

– Как это свободны? А допрос третьей степени?

Монах ухмыльнулся:

– Я узнал все, что мне было нужно. С вашего позволения, сейчас я хотел бы посмотреть примерку Звягильского. Леша, ты со мной?

...Комната Звягильского была опечатана, но Монах хладнокровно снял с двери бумажную полоску с лиловыми печатями. Вербицкий кашлянул.

– Потом повесим обратно, – успокоил его Добродеев, у которого уже был опыт в подобных делах.

Они вошли в крошечную каморку; Вербицкий включил свет. Запах затхлости, старой одежды и косметики ударил в нос. Они осмотрелись. Их глазам представился беспорядок на столике; пара перегоревших лампочек по периметру большого зеркала, наводившая на мысль о щербатом рте с выбитыми зубами; засохший букет, серой кучкой лежавший на кресле. С десяток фотографий Звягильского в сценических костюмах кривовато висели на стенах, тут же, прямо на обоях, – размашистые автографы фломастерами, шаржи и карикатуры, стишки и пожелания. Ширма в углу, за ней – ворох одежды, которую Монах, нагнувшись, обнюхал...

– Виталий, мне бы поговорить с двумя вашими людьми, – сказал он вдруг. – С парнем в зеленом свитере и девушкой... Ляля Бо, кажется. Можно?

– Запросто. Это Петя Зосимов, Жабик, и Ляля Бо – Ирка Евстигнеева. Только имей в виду, она болтает много лишнего по причине отсутствия тормозов. Дели на два. Они оба без тормозов.

Монах кивнул. Он медленно передвигался по комнате, рассматривая несвежие обои, фотографии, коробочки с гримом на столе; открывал ящики стола.

– Оперативники тут все облизали, – заметил Вербицкий. Он стоял опираясь на дверь, сунув руки в карманы. Добродеев рядом переминался с ноги на ногу.

– Что это? – спросил вдруг Монах, указывая на странную закорючку, похожую на опрокинутую семерку, небрежно нарисованную жирным черным маркером слева от зеркала.

Вербицкий пожал плечами.

– Да тут всего много. Обои лет тридцать не менялись. Черт его знает!

– Звягильский пил? – спросил Монах.

– А кто не пьет? – ответил вопросом на вопрос Вербицкий. – Не до беспамятства, конечно. Меру знал.

– Сюда приходят фанаты или знакомые?

– Бывает. Приносят цветы и конфеты... или принять. Но это свои, чужих не видел, всего пара-тройка человек.

– Как Звягильский относился к эзотерике? Возможно, верил в вещие сны, суеверия? Боялся черных кошек?

– К чему? К эзотерике? – Вербицкий ухмыльнулся. – Петя не верил ни в бога, ни в черта! В черных кошек Петя тоже не верил. Жил в свое удовольствие, грешил, любил... ничем не заморачивался. Был женат три или четыре раза. Горел, одним словом. И сгорел, как жил... красиво жил, красиво сгорел.

Они помолчали.

– Ну что? Нарыл что-нибудь, Христофорыч? – спросил Добродеев.

– Кое-что нарыл, Леша. Можно позвать ребят? – обратился он к Вербицкому.

Глава 8

«Черная» комната

...Женщина, сидевшая за столом и читавшая толстый фолиант, оторвалась от чтения и прислушалась – ей показалось, что звонят в дверь. Звонок в дверь повторился. Она взглянула на часы – было около десяти вечера – и поднялась. Бесшумно подошла к двери, прильнула к глазку.

– Это я! – сказал мужчина за дверью. – Извини, что без звонка и цветов, – сказал он, входя и целуя хозяйку в щеку. – Добрый вечер, моя волшебница! Проезжал мимо, дай, думаю, загляну. Вся в трудах?

– Кое-что нужно было сделать. Я рада, заходи.

– Проблемы?

– Пустяки. Кофе хочешь?

Мужчина улыбнулся, протянул ей черную с золотом бумажную торбочку с ручками из витого шнура.

– Подарок! Кофе буду. Давно хотел спросить... – Он рассмеялся. – Ты действительно *видишь*?

– Не всегда. Иногда вижу, иногда нет, – ответила она серьезно. – Это как волны, понимаешь? Прилив, отлив... Иногда сплошной туман, иногда картинки...

– Картинки? Настоящие картинки?

– Не в полном смысле. Неясные, какие-то отдельные предметы... нужно толковать. – Она вытащила из торбочки изящную коробочку сигарет. – Ой, спасибо! Мои любимые. Самое трудное правильно истолковать. Это искусство.

– Как же их можно толковать, если они неясные?

– Они привязаны к событиям, и если знаешь, что произошло, рано или поздно появляется картинка, которую можно толковать. Иногда через месяц, иногда через год. По-разному. Например, приходит ко мне клиентка, подозревает, что у мужа любовница, спрашивает, правда или нет. Я кладу руку на фотографию мужчины, закрываю глаза и вижу перед собой неясный силуэт человека с куклой в руке. Отвечаю, да, у вашего мужа есть любовница.

– Ты опасная женщина! – Мужчина рассмеялся. – А если ошибка?

– Я никогда не ошибаюсь, – сказала она значительно. – Я многое знаю, поверь, это нелегкая ноша. – Она закуривает, затягивается, выдыхает дым и разгоняет его рукой; пристально смотрит на мужчину. Отпивает кофе и спрашивает: – Не слабый?

– Нормально. Знаешь, не люблю курящих женщин, а тебе идет! – говорит мужчина. – Появляется что-то действительно ведьмовское, честное слово! И все эти штучки... – Он кивнул на безделушки на столе. – Это действительно помогает? И «черная» комната... в ней что-то зловещее.

– Это магия, мой дорогой. У нее свои законы и ритуалы. Каждая из этих штучек, как ты выразился, имеет назначение. Им тысячи лет. Эбонитовая кошка из Египта... кошка – священное мистическое животное, она всегда присутствовала при магических обрядах. Зеркало – вход в потусторонний мир, горящие свечи освещают его в глубину, там появляются тени, которые складываются в картину. Янтарные фигурки мужчины и женщины принимают на себя негативное излучение клиента...

– Излучение?

– У каждого человека есть аура, иногда она нейтральная, иногда негативная. Эти человечки – своеобразный экран, моя защита...

– Откуда в тебе это?

– Это дар, который передается по женской линии. – Ясновидящая, улыбаясь, смотрела на гостя. – Мои бабушка и мама обладали даром, теперь наследница я.

– Наверное, интересно видеть всех насквозь?

– Это дар и проклятие одновременно, поверь, но отказаться нельзя. Знаешь, какой нравственный выбор иногда стоит передо мной? Я как исповедник, но мне не исповедуются, я вижу все сама. Люди лгут и изворачиваются. – Она снова разогнала дым рукой; смотрела на гостя прищурясь. – Да, я опасна, но никогда никому не причиню зла. Наоборот, я помогаю, так что можешь меня не опасаться. Мы друзья, для друзей я не опасна.

– Может, открыть окно? Здесь есть окна?

– Окна есть, но они не открываются, закрыты наглухо и задрапированы. Да и нельзя, у этой комнаты своя аура, своя атмосфера, ток воздуха может пробить энергетическую оболочку. Еще кофе?

– Можно. Знаешь, я далек от магии и всегда считал, что это женское занятие. Сейчас слушаю тебя и думаю, неужели работает? Почему женщины?

– Мужчины живут разумом, а мы, женщины, инстинктом. Мы ближе к земле и природе, мы видим суть. Мы хранительницы, понимаешь?

– А эти знаки... руны, кажется? Ты в них тоже разбираешься? Я читал про них.

– Разбираюсь. Это древние знаки, очень сильные, с ними нужно осторожно. Хочешь, определим твою защитную руну?

Мужчина покачал головой:

– Не нужно. Вдруг нагадаешь чего-нибудь...

– Я сказала, защитную, она будет защищать тебя.

– А у тебя есть защитная руна?

– Есть. Те, у которых дар, получают ее при рождении. Ты не поверишь, какие ведьмы ранимые и насколько они открыты для сил зла! Тут без защиты не обойтись.

Мужчина смотрел на нее с улыбкой.

– Тысячу лет назад ты была бы жрицей, – сказал он, – а в Средние века тебя сожгли бы на костре. Так и вижу тебя в черном, с распущенными волосами, в клубках дыма, а вокруг беснующаяся и вопящая толпа...

Женщина вдруг закашлялась, хватаясь за горло. Мужчина наблюдал, не двинувшись с места. Она, хватая воздух широко открытым ртом, сжала ручки кресла, голова ее запрокинулась, и напряглись жилы на шее. Мужчина наблюдал, по-прежнему не шевелясь. В «черной» комнате стояла тишина, прерываемая лишь хриплым дыханием ясновидящей.

– Ты права, ты для меня не опасна, – сказал он наконец. – Ты ни для кого не опасна, я пошутил. Ты меня слышишь, ведьма? – Он наклонился над ясновидящей, провел рукой над ее лицом. – Какая же ты ясновидящая, если не предвидела такой поворот? Или свои проблемы ты предвидеть не в состоянии? А где твоя защитная руна? Или она тебе не досталась? А янтарные человечки? Считай, что ты сейчас горишь и задыхаешься в дыму, только толпы нет...

Он постоял немного, прислушиваясь к хриплому дыханию женщины. Потом, не оглядываясь, вышел из «черной» комнаты. Спустя минуту хлопнула входная дверь...

Глава 9

Подведение итогов

– Ну и что ты узнал? – спросил Добродеев Монаха, когда они покинули пределы Молодежного театра. В голосе его слышались скептические нотки.

– Кое-что, Леша. Визит в театр и общение с актерами были весьма полезны.

– Надеюсь, – сказал Добродеев.

Монах ухмыльнулся:

– Ты хочешь сказать, что я не произвел на них должного впечатления? Твоя реклама не сработала, и тебе было неудобно за меня? Я не оправдал твоих надежд, так? Ты считаешь, что нужно было заявиться в короне с рогами и в бархатных штанах с золотыми позументами? Устроить балаган в балагане, бегать по залу и с ревом выдергивать их за руки на сцену? Так, Леша?

Добродеев слегка смутился и протянул:

– Ну-у-у... все знают, как должны вести себя настоящие экстрасенсы... примерно так.

– Ты прав, народ нынче пошел грамотный. Тут важно определиться, Леша, кто мы такие. Или шарлатаны с хрустальными шарами из зомбящика, или детективы, расследующие преступление. Если первое, то я прошу прощения за то, что поставил тебя в неловкое положение... хотя мог бы тебе заметить, что не надо болтать лишнего. Ежели второе, то все в русле.

– Да я не это имел в виду, – махнул рукой Добродеев. – Но они ведь ничего не знают! И если ты думал расслабить их водкой... сколько получилось на брата? По наперстку? Надо было брать больше.

– Я не собирался их расслабить, Леша. У моего жеста совершенно другой смысл. Древняя традиция – гость приносит с собой еду или питье, тем самым показывая, что руки его заняты дарами, а не оружием. Это демонстрация добрых намерений, он становится своим. Мы разделили хлеб и помянули Петю Звягильского. Водка – тот же хлеб... в широком смысле. Кроме того, люди, как правило, мне верят – у меня внешность, вызывающая доверие. Толстяки вообще симпатичны по причине кажущейся безобидности и неспособности гадить ближним. Считается, им бы покушать – только и забот.

– Он не толст, он мускулист! – Добродеев похлопал себя по изрядному животу. – Но ты хоть узнал что-нибудь? Ляля Бо – пикантная женщина, но я так и не понял, чего ты от нее добился. И Жабик...

– Я добился картинки, Леша. А картинка следующая: около гримерок шлялся мужчина с букетом; на столе в гримерке Звягильского лежал засохший букет; Жабик видел в коридоре чихающего мужчину. Чихающий человек обычно прикрывает лицо носовым платком. Наш преступник всунул голову в гримерку, протянул букет и сказал Звягильскому, что его спрашивает дама... где-нибудь там, у входа. Гипотетически. Тот и купился... сбросил шкуру и побежал. Вербицкий говорил, что старикан был еще ого-го ходок. И тогда преступник проделал то, зачем пришел. Он облил фальшивую тигриную шкуру... Сколько времени нужно, чтобы облить шкуру? Полминуты, Леша. А потом убраться из гримерки и, наткнувшись в коридоре на Жабика, прикрыть лицо и начать чихать.

– Но зачем?

– Каков мотив, ты хочешь сказать? Я думаю, для мести слишком театрально... устроить факел, рисковать наткнуться на знакомых... если это устроил собрат-актер. Тут уж прикрывайся, не прикрывайся, а тебя узнают. Эта театральность, по-моему, не что иное, как намек, что убийца из театрального мира. Я же думаю, что убийца был чужим. Ему повезло, на двери висела табличка с именем Звягильского, и ему не пришлось заглядывать во все комнаты под-

ряд. Мотив пока неясен, если только это не мания величия «великого» непризнанного режиссера. Не знаю. Но есть у меня внутреннее чувство, что Петя тут случайная жертва... кажется, я об этом уже упоминал. Моя версия нашла подтверждение, Леша. – Монах загадочно умолк.

– Какое подтверждение?

– Помнишь рисунок на стене? Опрокинутая семерка, черный маркер.

– Кажется, помню. Закорючка! Ну и что?

– Ты знаешь, что это такое?

– Опрокинутая семерка? Понятия не имею!

– Это не закорючка, а *Игни*, элемент огня, очень сильный оккультный знак. Тут главное – огонь, а не жертва. Факел.

– *Игни*? – с недоумением повторил Добродеев. – Христофорыч, ты как-то все усложняешь... какая-то закорючка...

– Повторяю – это не закорючка, Леша. Этот знак используется в ведьмовских практиках... «Макбет» начинается с визга и проклятий трех ведьм, а Шекспир интересовался оккультизмом. Как видишь, тут полная гармония, Леша. Убийца – образованный человек.

– И кто он, по-твоему? Колдун? Ведьма?

– Возможно.

– А мотив?

– Мотив пока неясен. Разве что... – Монах задумался.

– Что? – выдохнул Добродеев.

– Разве что это манифестация, Леша. Это афиша. В театре как в театре.

– Афиша? – недоуменно повторил Добродеев.

– Это попытка заявить о себе, Леша. Выйти на люди в маске и сказать: «Трепещите, я пришел! Смотрите *мою* пьесу!» Обещание, если хочешь.

– Это что, оккультная секта? – спросил окончательно обалдевший Добродеев. – Какое обещание?

– Обещание продолжить. Это начало, Леша. И мое внутренне чувство подсказывает мне, что продолжение вскоре последует. Зло носится в воздухе, и этот... *Игни* оседлал волну. Может, и секта.

– Ну, ты, Христофорыч... как-то уж слишком! Прямо Кассандра! Неужели ты веришь во все эти... фэнтези? Это же детский сад, страшилки для ребятшек! Зачем?

Монах скорбно покачал головой:

– Хотел бы я ошибаться, Леша. Зачем? А зачем существует мировое зло? Оно беспредметно, Леша, и не направлено на кого-то определенного, оно направлено против всех. У него на глазах повязка.

– А что мы теперь будем делать? – спросил Добродеев, который верил и не верил – с Монахом никогда не знаешь... волхв, блин! Загадками говорит... пророчествует! Голова у Добродеева шла кругом, разум его отказывался принимать версию с ведьмой, но Монах был так убедителен... Черт его знает, дело это темное!

– Ждать, Леша. Мы будем ждать второго шага... *Игни*. Назовем его Игни. Мое глубокое убеждение – идеальных преступлений не бывает, где-то он споткнется. Даже если он мировое зло.

– Но ведь мы не можем сидеть сложа руки! Нужно немедленно сообщить, у меня знакомые в полиции! – Добродеев наконец проникся и поверил.

– Хорошо, Леша. Мы придем к твоим знакомым в полиции и скажем, что Звягильского убила ведьма мужского пола... Кстати, почему мужского? Возможно, это была женщина. А неизвестный с букетом тут ни сном, ни духом, обычный фанат, проходная пешка с насморком. Звягильский ее, ведьму, то есть бросил, и она решила ему отомстить.

– Ты меня совсем запутал, Христофорыч! Это не женщина, женщина на такое не способна... ну, яду плеснуть, да, согласен, а тут дальний прицел, тут айкью, как ты говоришь, выше среднего!

– Ты напрасно недооцениваешь женщин, Леша, – заметил после паузы Монах. – Встречаются такие персонажи... куда там мужику! Мы – прямолинейны, простодушны, не коварны, а они способны на все, на всякий выверт. А посему *Игни* может на поверку оказаться как мужчиной, так и женщиной.

– То есть ты считаешь, что это женщина? – Добродеев совсем запутался.

– Гипотетически, *Игни* можешь быть даже ты, Леша. Не знаю. Или Жорик.

– Или ты! – обиделся Добродеев.

– Однозначно, Леша. Я тоже в колоде.

Добродеев уставился на Монаха – у него мелькнула мысль: а что, если это его рук дело? Темная лошадка... на все способен. Приступ мании величия, пошел вразнос, решил потягаться с ментами... а что?

– Это не я, Леша, – ухмыльнулся Монах. – Честное слово. Мы *этого* или *эту Игни* поймем, вот увидишь, мы ему еще насыплем соли на хвост. Ты со мной? – Это прозвучало как пароль.

– С тобой! – последовал отзыв.

– Тогда за дело!

Глава 10

Убийство ясновидящей

Монах лежал на продавленном диване в гостиной семейства Шумейко. Стояла непривычная тишина – Жорик убыл на фабрику, Анжелика отправилась распихивать детишек в детский сад и в школу. Монах наслаждался покоем и просматривал разделы криминальной хроники в местных газетах. Он чувствовал себя охотником в засаде, ожидая нового проявления мистического зверя *Игни*.

Дебоши, пьяные драки, ДТП, выброс соседа из окна, грабежи, отравление маринованными грибами... и так далее. Ничего интересного. Монах некоторое время рассматривал трещины на потолке, потом задремал. За две последние недели он измаялся и стал терять уверенность в собственной правоте. Тем более каждый день звонил Леша Добродеев и спрашивал:

– Ну как?

Хлопнула дверь в прихожей, вернулась Анжелика.

– Ты дома? – Она заглянула в гостиную. – Ну и холодрыга! Ночью обещали снег. А до зимы еще три недели! Ужас! Даже бабьего лета приличного не было. Кофе будешь?

– Ладно, – согласился Монах. – Ты пока грейся, а я сварю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.